

Наталия
Терентьева

СТРАСТИ ПО МИТРОФАНУ

«Проза

Натальи Терентьевой
удивительного свойства —
увлекательная и яркая,
она еще и поднимает тебя
на некую нравственную
высоту, словно говоришь с
хорошим искренним человеком
и сам становишься чуточку
лучше. НАТАЛЬЯ НЕСТЕРОВА,
писатель

Наталия Терентьева

Страсти по Митрофану

«ACT»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Терентьева Н. М.

Страсти по Митрофану / Н. М. Терентьева — «ACT», 2016

Обжигающая, чувственная история первой любви, первой страсти, ошибок, кажущихся непоправимыми, острого разочарования, бессмысленного предательства. Детство кончается, когда по-настоящему влюбляешься или когда разувериваешься в своих первых, таких сильных чувствах? Два подростка из одной московской школы и двух совершенно разных миров влюбляются друг в друга. Оба – хорошие, умные, красивые, талантливые. Но есть препятствие, и оно кажется непреодолимым...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Терентьева Н. М., 2016
© ACT, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	37
Глава 7	45
Глава 8	55
Глава 9	61
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Наталия Михайловна Терентьева

Страсти по Митрофану

Роман

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Там, где трава зеленее... Проза Наталии Терентьевой» издается с 2013 года

*Книга издана в авторской редакции
Все события и персонажи этого романа вымыщлены, любые совпадения случаичны*

© Н. Терентьева
© ООО «Издательство ACT»

* * *

Крылья
брошены на землю,
Мы больше никогда
не полетим на свет...

Сергей Трофимов

Глава 1

Митя вытянул ногу из-под одеяла и с сомнением посмотрел на свою пятку. Кажется, вчера она была меньше. Неужели он не замечал, что у него такая огромная, нелепая пятка, похожая на кость мастодонта? Вот какие были кости у мастодонта, интересно... Митя пошерудил рукой около кровати. Телефон, где телефон? Вчера он запихнул его под коврик, чтобы отец, войдя, пока он спит, не сразу нашел и не забрал. Да, здесь.

Набирать и смотреть, как точно выглядел мастодонт, Митя не стал. Он увидел значок сообщения. Она... Так улыбается на крохотном значке личного сообщения, что кажется – вот сейчас скажет важные, необыкновенные слова... Сладко затикало в груди, в животе. Что-то надо с этим делать. Это так хорошо и так тревожно. Отец вчера начал долгий разговор насчет мужской энергии, если правильно ей пользоваться, если уметь переводить ее в творческую, то можно... Но не договорил, даже ничего толком и не сказал, помешала мать, она всегда не вовремя приходит с работы. Они с отцом подмигнули друг другу и молча договорились продолжить разговор. У них времени скоро будет много. Впереди лето.

Ты спиши?

Она написала это вчера, когда Митя играл в железных мишек. Классная игра, несложная и увлекательная. Они похожи на танки, когда лежат. А когда поднимаются – лениво, с трудом, ты оказываешься одним из них. Мощным, быстрым, страшным танком и медведем одновременно. Ты мчишься, сминая все на своем пути, сжигая, из тебя идет дым, ты дышишь огнем, у тебя огромные сильные руки, ты можешь сломать дерево, дом, легко подхватить и отбросить далеко здоровый внедорожник... Эх, жалко – урока такого нет, где можно было бы играть и получать высшие баллы.

И еще одно сообщение, две строки стихотворения. Странные, обжигающие, томительные, совершенно непонятные... «Дымы... От тех костров, где прошлое сгорело...» О чём это, о ком? Не о нем же, не о них. Разве есть – «они»? Отец вчера сказал – если девушка начинает проявлять к тебе повышенные знаки внимания, надо быть начеку.

– Митяй, вставай, раздолбай! – С обычной своей утренней присказкой отец распахнул дверь.

Дверь стукнулась об шкаф. Шкаф покачнулся. Отец выматерился – шутливо, не зло, всё, как положено, как начинается привычное утро. Хорошее утро, да, наверно, хорошее.

– Ну-ка, что там? – Отец резко отобрал у него телефон, который Митя попытался было запихнуть под одеяло. – «Ты спиши?» – это что такое? Это кто тебе пишет? Она, да?

Митя как можно небрежнее пожал плечами.

– Вроде...

Отец сдернул с него одеяло, слегка шлепнул по ноге, оттянул резинку его трусов, отпустил ее, та пребольно хлопнула сына по животу. Отец усмехнулся:

– Шевелится, когда думаешь о ней?

Митя мгновенно покраснел.

– Батя...

– Давай, вставай! – Отец теперь уже с силой толкнул его с кровати. – Лежишь... Отец давно уже встал. А мог бы спать, между прочим! Кашу варю тебе...

– Слыши... – Митя пошевелил ноздрями. – Не хочу кашу, батя...

– А что ты хочешь? Пирог с лангустом? Другой жизнью запахло? Поманили? Или что?

– Нет, ничего не хочу...

Митя попытался проскользнуть мимо отца в дверь.

– Стоять! – Отец загородил ему дверь большим телом. – Смотреть на отца и отвечать!

– Что? – Митя заставил себя с огромным трудом посмотреть отцу в глаза.

Тот крепко обнял сына, прижал его лохматую голову к груди, поцеловал.

– Я же задал тебе вопрос.

– Можно я не буду говорить об этом, батя?

– Нельзя, сынок. Как же не говорить? А кому ты об этом еще скажешь? Кирюшке? Сене? Так они сами не знают ничего про себя. А батя тебе все о жизни объяснит, чтобы ты ошибок не делал.

– Мальчики, вы что тут застряли? – В дверь заглянула мать. Увидев, что муж обнимает растерянного сына, она встревоженно спросила: – Что? Заболел? Горло болит?

– Да ничего не болит, мам...

Воспользовавшись тем, что отец чуть отвлекся, Митя выскользнул из двери и побежал в ванную, побыстрее заперся там. Через пару секунд он услышал сильный стук в дверь и голос отца:

– Открой-ка!

– Сейчас, пап!

– Открывай, нечего запираться! У нас с тобой секретов нет!

– Батя, сейчас...

– Давай-давай, не раздумывай. Считаю до трех, не откроешь, хуже будет!

Митя открыл дверь, отец зашел в крохотную ванную и закрыл за собой дверь на щеколду.

– Умывайся, сынок, я здесь побуду.

Высокий, полноватый отец занимал все свободное пространство, которое оставалось между ванной, тумбочкой и старой стиральной машинкой, не работавшей уже полгода. Отец показал на кучу белья на полу:

– Устала наша мать все это стирать. Вот деньги получу, купим новую... Что ты замер? Умывайся, брейся... После уроков сегодня сразу домой, не задерживайся, ясно?

Митя смотрел в небольшое, помутневшее от старости зеркало.

– Ты знаешь, пап, что в зеркале у другого человека лицо всегда с правой и с левой стороны разное? У себя это не видишь, а у другого видишь...

– Ты что? – Отец сильно тряхнул Митю за плечо, так, что у того клацнули зубы. – Головой двинулся? О чем ты?

– Нет, ни о чем...

– Да нет уж, договаривай, сынок. Значит, у меня лицо кривое?

– Не кривое, батя... Просто... Да ладно! Это я так.

В дверь постучала мать.

– Мальчики! – позвала она. – Вы там надолго не запирайтесь! Половина восьмого уже!

– Да-да, Марьянушка, мы быстро! – ответил отец и толкнул в спину Митю. – Тебе сказали, поторопись!

– Батя, ну выйди, пожалуйста... – Митя умоляюще посмотрел на отца.

– А то че? – усмехнулся отец. – Не рассмотришь себя как следует? Думаешь, что-то сильно за ночь изменилось? Сомневаюсь. Хотя... Если ты всю ночь с ней переписывался... Может, и заматерел слегка... Вон какой стоишь, весь взрослый... Ножищи расставил... Прям мужик почти... Переписывался?

– Нет.

– А если не врать отцу?

– Да нет, батя! Я спал ночью! И не взрослый я никакой...

Отец взял Митю за подбородок, потрепал, прижал к себе. Митя ощутил родной запах. Большой, грубый, родной батя... Самый любимый, самый близкий... Отец, как будто почувствовав Митинны мысли, тихо проговорил:

– Никогда ни одна женщина не поймет тебя так, как я. Вообще не поймет. Ясно? И ни одна любить тебя не будет. Будет только пользоваться. А я тебя люблю.

– Я тебя тоже люблю, батя, – ответил Митя.

– Вот то-то же! А то, вишь ты, «Ты не спиши?» Спит он для тебя, девочка! Отдыхай! – Отец неожиданно громко прокричал в потолок.

– Да хватит там орать-то уже! – ответила соседка. – Встали… Артисты хреновы…

– Надо заделать дыру, – показал отец на вентиляционное отверстие, решетка с которого давно упала и потерялась. Рядом с отверстием по стене шла большая щель. – Займемся с тобой в воскресенье!

– Да, батя! – улыбнулся Митя.

В дверь снова постучала мать.

– Хватит шептаться, мальчики, каша уже подгорела!

– Ах ты, черт, – спохватился отец. – Отвлекаешь меня глупостями! Давай, брейся, – подтолкнул он сына. – Или, знаешь, что… Не брейся! Так лучше. Будет как у меня щетина… Скоро! – Отец поскреб свою почти седую щетину на подбородке, щеках.

Митя как зачарованный смотрел на отца. Вот повезло же ему. У кого еще есть такой отец! Сильный, красивый, талантливый, остроумный…

Когда отец вышел, Митя с сомнением посмотрел на несколько толстых коричневых волосков, которые росли над губой и на щеках. Кажется, это не очень красиво… Но раз отец говорит… Волосы… Надо спросить отца, стричь ли волосы. Тот плохого не посоветует.

Глава 2

– Элька, давай быстрей! – Лариса заглянула в комнату к дочери. – С нами выйдешь или не успеваешь? Что такое? – Мать увидела, что девочка стоит у окна, опустив щетку для волос и задумчиво перебирая пальцами края шторы. – Плохо себя чувствуешь?

Эля обернулась к матери.

– Плохо. Нет. Хорошо. Нормально, мам!

– И собираешься плакать? – уточнила мать.

– Нет! Ничего подобного. – Эля быстро собрала густые, слегка вьющиеся светлые волосы в хвост. – Все хорошо. С вами выйду, мам.

Лариса быстро подошла к дочери.

– Точно все хорошо?

– Да.

– А плакать о чем хотела? Скажешь?

– Нет, – та покачала головой и отошла от матери. – Ни о чем.

– Почему говорить не хочешь?

– Отцу расскажешь.

– И что? Он твой отец.

– Точно?

– Очень глупая и грубая шутка, Эля.

– Я на вас не похожа, мам.

– Зато мы на тебя похожи, дочка!

– Девочки! – не выдержал отец и заглянул в комнату. – Лара, ну что такое? Мы восемь минут назад должны были выехать из гаража.

– Всем помешала я, да, пап?

Отец поцеловал Элю в лоб и обнял жену, подтолкнув ее к выходу.

– Всем помешал я, но давайте доживем до воскресенья и там уж поговорим по душам.

– С вами поговоришь! – вздохнула Эля. – Ты что, в воскресенье производство остановишь, чтобы со мной поговорить?

– Нет, но...

– Вот и не обещай того, чего исполнить не можешь. Ага?

– Ага, дочка, – вздохнул отец.

– Я вообще не уверена, что я ваша дочь, – твердо сказала Эля теперь уже отцу. – Мы слишком разные.

– Слушай, разная, давай ты в школу сегодня не пойдешь, а? Поедем с нами. И поговорим.

– Не-а, – Эля отвела руку отца. – У меня пробное ОГЭ.

– О... что? – Отец попробовал все свести на шутку.

– Мне не о чем с тобой говорить, пап, не держи лифт, подвинься, не закроется так, из-за твоей мощной спины фотоэлемент скоро сломается.

– Эля! – Лариса беспомощно всплеснула руками.

– Да ладно! – засмеялся отец. – Смешно. Так почему тебе со мной не о чем говорить, дочка? Потому что у меня пятьдесят четвертый мужской размер? Я много съел булок собственного производства?

– Нет, потому что ты даже не знаешь, что я сдаю экзамены через две недели и что они называются ОГЭ.

– Теперь буду знать, – мирно ответил отец и насилино прижал дочь к себе. – Разрешают ходить в школе с таким вырезом? – Он попробовал застегнуть повыше блузку дочери.

– Отличницам разрешают! – вздернула нос Эля и расстегнула еще одну пуговку. – Я – лучшая, ясно?

– Но только не с нами, дочка, – вздохнула Лариса. – Ты хочешь поссориться, тебе так проще? Куда ты? Мы же на минус первый… Ты не идешь с нами в гараж?

– Я пешком в школу пойду, мам! Или на троллейбусе подъеду.

– Опоздаешь.

– Я же объяснила – мне можно, я лучшая.

Родители переглянулись и ничего не сказали.

– Что? Такие дружные, да?

– Элька, да что тебя просто раздирает сегодня?

Эля выразительно посмотрела на мать. Та больше ничего не сказала. Отец ничего не знает о Мите, по крайней мере, Лариса дала ей слово мужу не говорить. Почему Эля так на этом настаивала, она сама не понимала. Ей казалось – вот начнет отец расспрашивать, и все исчезнет. Ведь придется рассказать и о Митиной семье, главное – о его отце. И Федору, ее собственному отцу, вряд ли понравится вся та ситуация. Он будет против. А бороться еще и с собственным отцом у нее уже не хватит сил. Ей достаточно Митиного.

На самом деле опаздывать каждый день очень неприятно.

– Теплакова, ты что, лучше всех? – резко остановила ее Таисия, моложавая энергичная женщина с ослепительной улыбкой, никогда не сходящей с лица, даже когда та сердилась. Два года проработав в их лицее, Таисия сделала головокружительную карьеру от учительницы истории до замдиректора огромного учебного центра.

Эля взглянула на учительницу.

– Таись-Игнатьевна…

Нет, пожалуй, не стоит вступать с ней в спор. Испортит настроение на весь день.

– Я спрашиваю, почему опять опоздала?

– Проспала, – коротко ответила Эля.

– Пиши объяснительную.

– Хорошо, – мирно улыбнулась Эля.

– Не вижу ничего смешного! – стала заводиться Таисия. – Тебе смешно? Дисциплина у тебя хуже всех в классе!

Эля решила считать в голове до десяти, чтобы не отвечать Таисии на заведомую ерунду. Уж у кого, у кого, а у нее дисциплина… Опоздание – это такие мелочи в сравнении с тем, что делают некоторые ее одноклассники…

На счастье, дверь распахнулась, и с грохотом ввалились два друга, один из ее класса, второй из параллельного. За ними потянулся отчетливый запах табака и хорошего одеколона.

– Здравьте, Таись-Игнать! – проорали оба и попытались проскользнуть через турникет мимо замдиректора.

– Стоять! – закричала та, на секунду забыв про Элю, и перегородила им проход обеими руками.

Дудукин, светлый энергичный подросток, с удовольствием врезался в необъятную грудь Таисии, сегодня обтянутую тонким ярко-фиолетовым шелком.

– Ух ты! – весело сказал он. – Таись-Игнать, это вы?

– Да ты что, Сережа, совсем уже? – Замдиректора двумя руками отпихнула Дудукина, который, врезавшись, так и остался стоять в совершенно неприличной близости к женщине.

Эля засмеялась. Второй подросток, Киселев, обернулся на нее и тоже засмеялся.

Бурая от негодования замдиректора набрала побольше воздуха и крикнула:

– Только с родителями в школу пущу! Всех!

— Таись-Игнать, — дружески начал Дудукин и снова придинулся к учительнице. — А сейчас ч, мы с Элькой и Тё мой го в кинишко?

— Что ты говоришь? На каком языке ты говоришь? Какое кинишко? Что еще за «го»? Что за «ч»?

— Рванем, значит, в кинишко, вы же говорите — только с родаками пустите... А «ч» — это «шыто»...

— Дудукин...

— А как? Родаки мои на работе... Вернутся только через неделю... Работа у них такая... В кино, а потом ко мне на хату двинем, да, Кисель, как?

Второй подросток неопределенно улыбался, Эля стояла и слушала разглагольствования Дудукина.

— Что ты несешь, что ты несешь, Дудукин? — Замдиректора беспомощно махнула рукой. — Быстро все в класс... Кинишко... Через неделю... О чем только думают родители... А эта... каждый день опаздывает... Смотрите на нее... Баллы она школе зарабатывает... Лучше бы не опаздывала... — приговаривая, Таисия быстро пошла к лестнице.

Дудукин подмигнул Эле:

— А ты ничё так сегодня... Сядешь со мной?

Эля выразительно скривилась.

— А ч? А ч? — Подросток стал подступаться к ней поближе, ненароком пытаясь обнять за талию.

— Дуда, руки убери, — спокойно сказала Эля. — Нич.

— Ладно, — неожиданно просто согласился Дудукин. — Правда выглядишь супер. И ваше так всё... просвечивает... Списать алгебру дашь?

Эля пихнула его кулаком в бок, на ходу открыла сумку, достала тетрадку, потом спохватались:

— Как списать? Задание же было онлайн! Надо было решить и отправить!

— Вот черт! — расстроился Дудукин. — Двойку влепит...

— А тебе не все равно? — удивилась Эля.

— Мне? Нет. У меня лимит. Одна тройка. Или химия, или алгебра.

— А если две?

— В Англию не поеду. Не пустят родаки.

— А что ты там забыл, Дуда? — догнал их Киселев, все это время пытавшийся расстегнуть заклинвшую молнию на ярко-зеленой ветровке, так и не расстегнул, шел сейчас в ней.

— Где?

— В Англию! Зачем тебе туда?

Дуда растерянно посмотрел на друга.

— Ну ч... Англия... Юнайтед Кингдом... Кисель, ты ч? Англия!

— Не, я в Англию не хочу. Ч там делать... Летом дождь, холод... Мне английский не нужен... На кой мне язык врагов... Мне лучше автомат...

Мальчики громко засмеялись и стали стрелять друг в друга воображаемыми автоматами.

— Ну кто же так орет в коридоре? — высунулась из кабинета математичка. — А, родные все лица. Веселые, приятные. Заворачивайте на огонек. Дудукин, не хочешь задачки пощелкать? Как раз тебя ждем.

— Ага, — с неохотой улыбнулся подросток. — Эль, давай двигай первая...

В соседнем классе была открыта дверь, и Эля увидела знакомую лохматую голову. Митя что-то писал, сидя на третьей парте, у окна, подперевшись другой рукой. Словно почувствовав ее взгляд, он поднял голову. Да, стоило поругаться с родителями и опоздать, напоровшись на Таисию, чтобы увидеть этот взгляд и эту улыбку. У Мити есть две улыбки, одна — для учителей и для всех остальных. Вторая — для нее. Он редко так улыбается, но если уж улыбнется,

могло даже словами ничего не говорить. Она замерла на секунду, встретившись с ним глазами. Хорошо началось утро.

Дудукин увидел, что Эля замялась у дверей, подхватил ее под руку и силой втащил в класс.

– Здрасьте, Наталь Петровна! – весело проорал он математичке. – А вот и мы с Элькой! Таись-Игнать нас в кинцо гнала, да мы не пошли. Решили – на математику лучше! А у меня вчера комп вис, я задание не сделал!

Эля освободилась от цепкой руки Дуды и прошла на свое место. Подружки ее не было, поэтому Дуда тут же нарисовался рядом с ней.

– Садитесь, садитесь, – засмеялась математичка, как всегда бодрая и энергичная. – Таисия Игнатьевна, говоришь, вас в кино отправляла с утра?

– Ага… – уже менее уверенно кивнул Дуда.

– Ладно. А я попрошу тебя у доски помаяться. Давай-давай, иди.

– Я только со своей девушкой… Я без нее никуда… – Дуда попытался потянуть с собой и Элю.

Кто-то в классе фыркнул, но математичка лишь махнула на него рукой:

– Иди-иди, Серега, девушка твоя пока за партой посидит.

– Да что он говорит? – возмутилась Эля. – Какая девушка?

– Вот и я думаю, – засмеялась математичка. – Какая Дуде девушка? Нос не дорос.

– А нос тут не главное! – пробурчал Дуда, так, чтобы одноклассники слышали, а математичка – нет.

Но Наталья Петровна услышала и покачала головой:

– Вот язык без костей, а! А если я отвечу? Тоже будет ржа.

Эля увидела значок сообщения:

Доброе утро! :-)

Посмотрела на задачу, которую дала Наталья Петровна, и решила сначала заняться математикой. Если начать переписываться с Митеем, то задача уже станет неинтересной. Второй раз он писать не будет, надо его знать. Будет ждать и ждать, пока она ответит. Наверно, это не очень мужское качество… Трудно разобраться. Можно попытаться поговорить с матерью… Но Митя ей не очень понравился. Она видела его один раз, мельком, и не понравился. Она прямо не сказала, но Эля почувствовала. Митя как раз от растерянности стал улыбаться той самой улыбкой, ненастоящей, старательной.

Дуда вернулся на место, ничего не решив и совершенно не расстроившись.

– Накрылась твоя Англия, – сказала Эля, чуть отодвигаясь, потому что подросток сел к ней слишком близко.

– Ну и ладно! – улыбнулся Дуда и снова пододвинулся к Эле. – По химии четыре получу. Или не получу. И не поеду. С тобой в лагерь поедем, да? В развивающий… Меня родаки отправить хотят. Будем развиваться, да, Эль? – Дуда игриво засмеялся, хлопая ресницами.

Эля скривилась.

– Дудукин! – крикнула Наталья Петровна. – Отстань от Теплаковой! Сам не решаешь и ей не даешь! А она должна баллы школе принести на экзамене, раз уже мальчики у нас такие.

– Мальчики у нас ого-го! – бодро ответил Дудукин, постучав себя по груди. – Нравятся мои духи, Эль?

Эля только покачала головой, продолжая решать.

– Значит, нравятся, – уверенno сказал Дуда. – Мне тоже! Брутальные! Ну ч, го со мной в лагерь? В Сочи…

– Дуда, да что ты завелся с утра? – удивилась Эля. – Какой лагерь? Я в лагеря не езжу…

– А со мной? А в Сочи? Шашлик, го-ори, гарячий друг, тёплый море...

Эля сбросила его руку под столом, которой он пытался ухватить ее за коленку.

– Это ч, твоя нога, Элька? Какая гладкая... Ты ч, без колготок? Во даешь...

– Да уди ты, пожалуйста!

– Это не я, это море плещется у ног... тёплый-тёплый...

– Придурок...

– Не могу, у меня гормональный выброс...

Эля вздохнула.

– Ну а я тут при чем?

– В твою сторону выброс... Го в кинцо вечером?

– Не го, Дуда. Вечером у меня музыкалка.

– А завтра?

– Завтра танцы.

– Танцы... Вот почему у тебя ноги такие сексуальные... М-м-м... секас-шмекас...

– У меня нормальные ноги, Дуда, если не заткнешься, я пересяду.

– Я с тобой...

– Ты меня утомил, Дуда! – прокричала Наталья Петровна и показала ему кулак.

Дудукин послал математичке воздушный поцелуй, скосив глаза к носу, и сделал вид, что пишет в тетрадке.

– Слушай, – негромко спросила его Эля. – А как же Ленка? Ты же с ней недавно в кино ходил?

– Ты все про меня знаешь? – удивился Дуда.

– Да кто ж этого не знает! Она всем рассказала... Как ты там отжигал... – проговорила Эля и попыталась все же решить задачу. Лучше бы она Мите ответила на сообщение. Все равно ничего не решается, когда рядом сидит Дуда и горячими руками то и дело хватает ее за коленки, за руки, ненароком приваливается. – Еще раз дотронешься до меня, я уйду, ясно? Вообще из класса уйду.

– Не уйдешь, – разулыбался Дуда, но руки убрал. – Давай решать вместе, в одной тетрадке.

– О господи, за что мне это? – вздохнула Эля. – Ну что за человек!

– А Ленка мне надоела, – довольно громко ответил Дуда, так, что услышали те, кто сидел впереди. – Ревнивая очень. И приставучая. И ноги у нее кривые. И волосатые.

– Ну ты гад, Дуда, я же помню, как ты за ней усвистывал!

– Было-было-было, да прошло! – напел вполне музыкально Дуда. – С Ленкой это просто зигзаг был... Шоссе-дублер... Мне вообще-то высокие нравятся, и чтобы волосы такие... как у мулаток... только не темные... А в нашей школе одна такая. Что же мне делать?

– Посмотри в соседней! – посоветовала сидящая впереди Соня, София, восточная девочка с огромными светло-карими глазами и копной медно-рыжих волос.

– Разыберусь сам! – с сильным акцентом ответил ей Дуда. – Разы любил адыну, палюбил другую!

– Дети, ну какие же вы сволочи! – не зло сказала Наталья Петровна. – В частности Дудукин.

– Всё, всё, Наталья Петровна! – примирительно поднял обе руки Дуда. – Сейчас Элька все решит. Я замолчал! На... – Он посмотрел на свои большие модные часы, – двадцать две минуты. Она вам все решит за это время.

– Себе что-нибудь реши пока!

– Я сегодня не могу... У меня сегодня гормоны... – Дуда откинулся на спинку стула.

– Жаль, что такому красивому мальчику совсем не дали мозгов, – вздохнула математичка. – Румянец, волосы хорошие, фигура... А мозгов нет.

— Это ч? Про меня? — удивился Дуда. — Мне мозгов хватает. И я еще футболом занимаюсь.

— Посиди заткнувшись, футболист, хорошо? — попросила математичка. — Меньше мячом об башку стучать нужно! У тебя есть двадцать две минуты! Не решишь — кол. И ты его не исправишь никогда!

— Бе-е-е... — тихо ответил ей Дудукин и положил голову на Элино плечо. — Я так посижу, хорошо? С тобой моим гормонам спокойнее.

Эля толкнула товарища, не рассчитав сил, он упал со стула.

— Вот, Наталья Петровна, почему я решить ничего не могу... — сказал, приподнимаясь с пола, весь красный Дуда.

— И почему, Дудукин?

— Потому что меня девочки слишком любят, понимаете?

— Ну ты вообще... — покачала головой Эля, взяла свои вещи и пересела на последнюю парту.

Дудукин взял сумку и поплелся за ней, на ходу дав оплеуху паре своих приятелей.

Наталья Петровна только развела руками:

— Что мне, матом на вас заорать?

— Не надо, Наталья Петровна, — рассудительно посоветовала София. — Запишет кто-нибудь, в «Подслушано мой район» выложат. Стыда не оберешься, проверка придет...

— И то верно, — вздохнула математичка. — А до конца урока уже ничего не осталось, все время Дудукин съел. Кол.

— За что? — взвился Дуда. — Я уже минуту как молчу!

— Странные вы люди, — неожиданно серьезно сказала математичка. — И не дети уже, и совсем не взрослые.

— Мы — новые взрослые, — объяснила Эля. — Это так называется. Психологи выяснили уже.

— Да? И чего же вы хотите?

— Это очень неприлично спрашивать! — тут же выскоцил Дуда. — Запретная территория личности!

— Помолчи, личность! — махнула на него рукой Эля. — Играть хотим. Это самое главное. У нас мир другой, понимаете?

— Нет. Но постараюсь понять.

— Нич она не поймет, — пробубнил Дуда. — Как я уже устал. Только день начался... Может, правда, мотанем в кинцо, а, Эль?

София, сидящая впереди, обернулась и с интересом посмотрела на Элю.

Эля растерянно подняла глаза на приятельницу.

— Что?

— Да ничего. Интересно просто. Как ты пацанами вертишь. То один, то другой.

— Это ч за другой? — завелся Дуда. — Ч за другой? Кто у нее?

— Глаза откой! — засмеялась София. — Только свой пупок видишь!

— А ч? А ч? Это кто еще такой? — Дуда стал активно вертеть головой. — А! Понял! Волоконский, что ли? — Он свистнул, ловко кинул острый карандаш и попал в спину Косте Волоконскому, высокому хрупкому мальчику, который сидел впереди в среднем ряду. — Не обломится тебе ничего, понял? Тощий слишком! Не дворянин ты! Буква у тебя лишняя одна, Костян! Волокуша!

Костя обернулся и молча посмотрел на него.

— Глаза красивые, правда? — громко, на весь класс, прошептала Софья Эле. — Мне вообще-то голубоглазые не нравятся, конечно...

Эля в отчаянии закрыла уши руками.

— Слушайте, ну лучше бы я спала дома! Пользы больше бы было! Ну какие глаза! Какая лишняя буква... Волокуша... Голубые глаза... Кинцо... Что за бред?

– О ком она говорит? – Дуда придинулся к Эле и крепко обнял ее, несмотря на все попытки девочки сбросить его руку. – Какой другой?

На счастье прозвенел звонок, и Наталья Петровна решительно сказала:

– Вон все из класса, мне к завучу нужно срочно, кабинет закрываю. Давай-давай, Дудукин, двигай ногами. Даром что выросли вон длинные какие...

– И накачанные, Наталья Петровна! Хотите, прыгну с места к вам на стол?

– Уйди вон, Дудукин!

– А кол уберете?

– Уберу, уйди только! – засмеялась математичка. – Вот народ, а... Новые взрослые они...

Штаны научитесь застегивать сначала! Взрослые...

Эля побыстрее вышла из класса. Митя – в соседнем кабинете, сейчас тоже должен выйти.

– Погодь-ка! – Дуда в два прыжка догнал Элю, пихнув по дороге Костю. – Пошел вон отсюда, теперь во-он туда... Эль, Эль, так как насчет кинца?

– Никак. – Эля стукнула его сумкой, и в это время как раз из соседнего класса вышел Митя.

Увидев крутящегося вокруг нее Дудукина, он вопросительно посмотрел на Элю и, не поздоровавшись, быстро спустился по лестнице на второй этаж. Соня внимательно наблюдала всю эту сцену и лишь усмехнулась. К Эле снова подошел Костя. Дудукин хотел с ним связаться, но увидел на другом конце коридора Киселева, заорал что есть силы: «Кисе-е-ель!» – и помчался к нему, расталкивая других учеников.

– У тебя ничего нет поесть? – спросил Костя, улыбаясь и покачиваясь из стороны в сторону.

– А у тебя? – Эля холодно посмотрела на товарища. – Ты голоден?

– Нет... просто...

– Просто он не знает, что у тебя спросить! – засмеялась Софья. – Я же говорю – то один, то другой, то третий.

– А ты не завидуй! – К ним подошла еще одна девочка, Таня, проспавшая первый урок, крепкая, среднего роста, в короткой юбке и длинной вязаной кофте, небрежно накинутой на блузку. – Я вот – свободная одинокая женщина и никому не завидую! Даже Эльке, хотя она со счета сбилась, сколько у нее парней. Вот у меня нет парня, и я не завидую!

– Оно и видно! – засмеялась Софья. – Что тебе не завидно!

– Да у меня тоже... – попробовала было поспорить Эля, но, увидев снова поднимающегося по лестнице Митю, замолчала и отошла в сторону.

Митя прошел мимо нее, нарочито отвернувшись. Эля быстро достала телефон и написала:

Ты сердишься на меня?

Она увидела, как мальчик достал телефон, прочитал ее сообщение, начал что-то писать в ответ, но передумал и сунул телефон в карман. Софья, наблюдавшая за ними, подошла к Эле:

– Ревнует, да? Это очень хорошо...

– Ты ничего не понимаешь, – покачала головой Эля. – Все не так.

– Расскажи, может, я и пойму...

Эля посмотрела на подружку. Рассказать? Софья все выслушает, будет кивать, сочувствовать, а потом как-то само собой окажется, что это знают все. С преувеличениями и неожиданными трактовками. Очень хочется рассказать, очень хочется поделиться. Но с кем? С Таней – было бы естественнее всего, они дружат с четырех лет. И Таня почти умеет держать секреты. До тех пор, пока ее не укусит муха и Таня на ровном месте не поссорится со всем миром, включая Элю, и вот тогда уже она выскажет все, что знает. Самое тайное, самое сокровенное. Она и свое может сгоряча рассказать, а уж чужое... Так уже бывало не раз. Поэтому с ней

тоже делиться ничем нельзя. А как бы хотелось кому-то рассказать обо всех своих сомнениях и противоречиях.

Костя снова подошел и так и стоял рядом, молча, смотря что-то в своем телефоне. Увидев, что Эля на него взглянула, он сказал:

- Дура!
- Сам дурак, – ответила Эля.
- Яблоки есть?
- Есть, но не дам.
- А курабье?
- Нет.
- А булочки с изюмом?
- Для тебя – нет.
- Значит, есть, – обрадовался Костя. – Даешь?

– Посмотрим. – Эля похлопала его по руке и в этот момент увидела Митя, бредущего по коридору в их сторону, совершенно не обращающего внимания на то, что происходит вокруг него. Митя смотрел только на нее. И опять рядом с ней мальчик, теперь уже другой, Костя. – Фу ты черт! – засмеялась Эля.

Увидев, что она еще и смеется, Митя резко развернулся и пошел в другую сторону.

– Булочку даешь? – Костя ненароком привалился к Эле.

– Да уйди ты ради бога! – толкнула она мальчика, тот покачнулся и не удержался на ногах, чуть не упал.

– Слушай, ты волейболом занимаешься, а такой слабый! – усмехнулась Софья.

– Я не слабый, я просто голодный...

– Он всегда голодный! – вмешалась Таня. – Элька, что сегодня принесла?

– Да ничего я не принесла, отстаньте! – Эля отмахнулась от товарищей. – Что вы, дома не поели, что ли!

– Капиталисты должны делиться своим богатством! – рассудительно сказала Софья. – У вас слишком много булок. Вам надо их раздать бедным.

Дети стали смеяться, Эля тоже – а как иначе? Отойти в сторону, обидеться? И быть одной? Ее друзья не такие плохие, бывает гораздо хуже. Никто из них не пьет, не курит, в подворотне после уроков не стоят, Таня собирается быть художником, Софья – психологом, Костя – дипломатом. И наверняка будут, все хорошо учатся, у всех нормальные семьи, не бедные, не богатые – нормальные.

– На третьей перемене поедим, ладно? – примирительно сказала Эля. Она слышала сигнал сообщения, но решила отойти в сторону, прочитать, чтобы не полезли Таня с Софьей.

Я принес тебе диск Скрябина. Если хочешь, сама меня найди. :-(

Эля вздохнула. Наверно, мальчики тоже могут капризничать и обижаться. Только потом они станут мудрыми, великодушными, сильными и щедрыми, а пока они маленькие и слабые, и при этом очень хотят казаться сильными и взрослыми.

Хорошо, Митя, найду.

Эля подождала ответа. Нет, конечно, он не ответит. Она решила не откладывать до следующей перемены, иначе весь урок ни он, ни она нормально учиться не будут.

Митя стоял у кабинета истории и разговаривал с двумя невысокими девочками. Ох, Эля слишком хорошо знала этих девочек, их знала вся школа. В каждом классе есть такие девочки, начиная с седьмого. Их видно издалека. Непонятно как, а видно. Они могут быть не накрашены, даже вполне скромно, никак одеты, а видно. То ли по взгляду, то ли по походке, то ли потому, что они редко ходят одни, обычно вместе с группой мальчиков.

Сейчас одна из девочек взяла ненароком Митю за локоть и поглаживала, поглаживала, что-то говоря, вторая смеялась и прислонялась к нему то боком, то ногой. А Митя разглагольствовал, как будто и не замечая, что девочки вовсе его не слушают, а только делают вид. До Эли донеслись обрывки фраз. Гиппиус... Мережковский... Он, что, издевается? Он рассказывает Тосе и Посе – так называли девчонок, одна из них Настя, другая Полина – о поэзии Серебряного века? Он бы еще им о Микеланджело рассказал или о Ростроповиче! Он ведь сейчас как раз о нем читает...

Наверно, ему все равно, кому рассказывать... Эля повернулась и пошла прочь.

– Подожди! – Митя, отлично видевший Элю, догнал ее. – Привет.

– Привет. – Эля остановилась. – Как дела?

– Превосходно...

Иногда от растерянности Митя начинает разговаривать высокопарным слогом, сам этого стесняется, но ничего не может поделать. Как будто в нем просыпается какой-то древний предок, который с утра запрягал коня, скакал по полям, потом возвращался к обеду, его ругал дворецкий: «Барин, ну что же вы, не завтракавши... И взмокли все... Идите, я вас переодену... И к обеду уже барыня ждет вас...» Именно такой, взрослый предок. Лет тридцати, а то и больше. Дворянский, холеный, живущий в эмпиреях, ничего не смыслящий в мирских делах...

Глава 3

Эля видела, как недобро зыркнули на нее девчонки, Тося и Пося, еще бы, Митя на полуслове взял и ушел. Эля знала, что они не успокоятся, особенно Настя Торчкова, она же Тося. Она сама придумала себе такое имя, называлась так Вконтакте – Тося Литтл, может быть, потому, что в каждом классе было не меньше четырех Настя. Тося почти было уже добилась своего, а тут так некстати – Эля.

Ранней весной Тося пришла в Митин десятый класс из ПТУ, где у нее произошла очень неприятная история, и она решила вернуться в школу. В ее собственную, где она еле-еле сдала в прошлом году экзамены за девятилетку, ее не взяли, а взяли почему-то в Элин, вполне добродорпорядочный лицей, находящийся в топ-300 московских школ на почетном двести тридцать втором месте. Но не на восьмисотом же! В Москве – полторы тысячи школ.

Тося положила глаз на Митю. Сдружилась с Посей, водившей компанию с мальчишками из обоих десятых классов, веселую и азартную компанию. Пригласила Митю к себе в гости. Но не сама, а воспользовавшись тем, что один из парней, худой, темноволосый, бледный Деряев, так хотел сходить к ней в гости, все вился, вился около нее с самого первого дня, как она пришла к ним в класс. «Приходи, – усмехнулась тогда Тося. – Только не один. Одному неудобно. Приходи с... Мите. Поговорим о музыке. Он же музыкой занимается? Мне интересно». Деряеву ничего не оставалось, как начать уговаривать Митю.

Тот сначала удивился, отказался, но потом согласился. Деряев чего только не наврал – и что у Тоси дедушка знаменитый дирижер, и что девушка слышала, как Митя играет на виолончели, была просто сражена его игрой... Деряев надеялся, что Митя под любым предлогом уже придет вместе с ним к Тоце. А там уже Деряев не растеряется, Митю как-нибудь отправит на улицу, и сам останется наедине с Тосей. Потому что это то, чего ему больше всего хочется. Ребята рассказывают, что есть ради чего рваться к Тоце...

Все получилось немножко не так, как хотела Тося – она-то как раз рассчитывала, что отправит куда-нибудь навязчивого Деряева и останется одна с Мите, но пришел один Деряев. Он сидел и сидел, пил кофе чашку за чашкой, все обещал, что вот Митя придет, вот сейчас придет... А сам подкатывался к ней, подкатывался. Вовремя пришла мать с приятелем, Тося обманщика Деряева отправила домой, остыть немножко, позвонила сама Мите, но тот вежливо и уклончиво отказался прийти к ней один и наивно все ссылался при этом на своего отца, что мол «батя не разрешает».

Тося ни одному его слову не поверила, но планов своих завоевать Митю не оставила и уверенно рассчитывала на победу. Она привыкла с мальчиками добиваться своего. Если ей кто-то нравится – он будет с ней. Пока ей не понравится другой. И не важно, что она не выросла даже до среднего женского роста. Не в росте дело. И не в длинных красивых ногах. Не в глазах, не в фигуре. Дело совсем в другом. Мальчики это понимают и очень ее любят.

Сейчас ей мешала Эля, как никто и никогда. Но Тося знала, что у Эли нет такого оружия, как у нее. Тайного и мощного. Не было еще ни одного мальчика, который устоял бы против Тосиных чар. Вот так. Тося издалека показала Эле неприличный жест, тайком, чтоб не видел Митя.

Митя проследил за Элиным взглядом, но ничего не увидел, близорукость иногда удобна, не замечаешь многих неприятных вещей. Эля говорит, что ему идут очки, но ему самому так не кажется. Вся брутальность пропадает сразу. И батя очки не носит... В очках он совсем не похож на батю. А батя похож на Марлона Брандо, голливудского красавца, эталона красоты целого поколения. И в молодости был похож, и сейчас похож. Некоторые даже путают его, батя сколько раз рассказывал – пойдет он на рынок, и женщины, особенно старшего возраста,

просто ахают, начинают у него автограф брать, а батя только улыбается, молчит – они думают, что тот по-русски ничего не понимает, еще больше радуются – точно, Марлон Брандо!

– Ты чем-то занята? – ревниво спросил Митя.

– Я с тобой разговариваю, – улыбнулась Эля. – Чем я могу быть еще занята сейчас?

– А куда смотришь?

– Тося ваша матерные знаки мне пальцами делает, Митя, вот я и смотрю! – в сердцах ответила Эля.

– Настя? Торчкова? Зачем?

Эля покачала головой. Все-таки мальчики ничего не понимают.

– Ты с ней встречался? Диск, кстати, давай, а то забудешь.

– Да, вот… – Митя протянул ей диск. – Вторую вещь послушай. Можно, конечно, в сети найти, но здесь такая запись чистая – Князев играет, он мастер.

– Спасибо.

– Ты что-то спрашивала… А… Я? С Настей Торчковой?

– Ну да, с Тосей.

– Нет, ты что! Я просто с ней гулял…

– Гулял? – удивилась Эля. – Ничего себе. Ты даже со мной не гулял.

– Мы втроем с Кирюшкой Деряевым гуляли.

– Вместе?

– Конечно, а что тут такого? Общались. Мы дружим.

Эля смотрела на Митя. Вот он верит сейчас в то, что говорит? Конечно, верит. Интересно, что он вкладывает в слово «дружим»?

– И никто из троих ни в кого не влюблен?

– Что? Слушай, ну почему ты хочешь сразу все опошлить?

Эля повернулась и пошла прочь. Нет, так невозможно. Этот странный дворянин тридцати пяти лет, прочитавший в своей жизни три куртуазных романа по-французски, который сидит в нем… Отчего Митя начинает вдруг так разговаривать? Он же учится в нормальной школе, не в коррекционной, и не в гимназии для одаренных детей, где приветствуется некоторая странность, часто сопутствующая гениальности… Почему он иногда бывает таким странным?

Митя, разумеется, догонять ее не стал. Лишь написал сообщение:

Ты не права. Ты меня обидела.

Зато Элю тут же догнал Костя. Наверно, стоял неподалеку и смотрел, как она разговаривает с Митеем Бубенцовым. Ревновал, сопел, стеснялся, сомневался в себе…

– Поедим? – спросил он. – Яблочко дашь?

– Вы не мальчики, – ответила ему Эля. – Вы принцесски!

Костя обернулся, ища глазами вокруг себя.

– Ты со мной разговариваешь?

– А с кем еще, Костя! Ну что ты, голодный?

– Да, – улыбнулся Костя.

– Сходи в столовую, поешь. Слышишь запах? Наварили там что-то, не продохнёшь.

– Нет, я с тобой лучше постою. Я же тебе нравлюсь…

Эля отпихнула Костя:

– Да ну тебя! Невозможно с вами! У меня усы скоро начнут расти и борода от общения с такими принцессами!

Костя, не понимая, что она имеет в виду, улыбаясь, так же шел рядом с ней по коридору. На всякий случай он потрогал свой подбородок, на котором утром сбрил несколько пробивающихся волосков. Борода… Почему Эля думает, что у нее начнет расти борода? Может быть, ее родители дают ей какие-то специальные витамины? Вон она какая сильная, красивая, здо-

ровая... Может быть, борода – это побочный эффект от этих витаминов? Или в тесто добавляют... Их булки и хлеб такие вкусные, ел бы и ел...

Костя плелся рядом с Элей и слушал, как она его ругает. За что? Непонятно. Он же хорошо учится, матом не разговаривает, ничего плохого не сделал. Не поймешь девочек, чудные они. Очень голова у них неправильно устроена. Даже непонятно, как Эля умудряется так хорошо учиться, лучше, чем он. Экзамены сейчас покажут, конечно, кто первый... Но Наталья Петровна почему-то ставку делает на Элю, которая вовсе не собирается поступать на математический. Делает ставку, потому что сама женщина, наверно. Если бы все учителя были мужчины, как раньше, как до революции было когда-то или в Древней Греции, школа была бы другая. Но вот захотели они учиться, и не только образование получать стали, а и сами учить. А как женщина может чему-то научить, если у нее голова неправильно устроена?

– Кость, ты слышишь, что я говорю? – Эля дернула его за рукав.

– А? Да, слышу.

– Что?

Костя улыбнулся.

– Слушай, а вот такие штуки... они сами у тебя получаются, или ты как-то делаешь их? – Он осторожно потрогал закрутившиеся концы Элиных волос.

– Вот ты даешь! Я тебе о беженцах говорю...

– О беженцах? – удивился Костя. – Я думал, ты меня ругаешь...

– Я тебя ругала, что вы до того заигрываетесь в свои пулялки, что ничего не соображаете, в реальность вернуться не можете.

– Не разговаривай, как старая тетя, – тут же ответил Костя.

– Я же говорю – твоя невеста учится в первом классе.

– Всё, отстань от меня! – обиделся Костя. – Не ходи за мной!

Эля засмеялась и обняла Таню, которая некоторое время уже шла рядом с ними.

– Во дают принцесски!

– Я же тебе говорю: я – свободная независимая женщина! – кивнула Танька. – И никто мне не нужен!

– Кроме Егорки и Ванечки, да, Танюха?

– Да ну их!

Девочки, смеясь, пошли в кабинет литературы. Костя, вздохнув и посмотрев на свое отражение в стекле на стенде, тоже зашел в класс. Ведь он красивый... Мама так говорит, на папу похож... И брекеты у него модные... Мама купила несколько комплектов цветных заклепок на брекеты, чтобы он красивым в школу ходил. И Костя подбирает заклепки. Сегодня – зеленые, потому что шнурки на ботинках ярко-зеленые, вчера вот были красные, потому что весь был строго одет – бело-черная гамма. И только брекеты – ярко-красные. Стильно же. Непонятно, почему Элька смеется, нарочно, наверно, чтобы он думал, что он ей не нравится. А зачем тогда яблоками и булочками его кормит? Не любила бы, ни за что бы свой завтрак с ним не делила.

Когда Эля ушла прочь от Мити, к нему тотчас же подбежала Тося.

– Ты классный... – сказала она без всяких предисловий. – Когда у тебя концерт в музыкальной школе?

– Вот только что был... Годовой... Я играл Моцарта, – растерялся Митя. – А что, ты хотела пойти?

– Конечно, хотела! – Тося расстроенно кивнула и погладила его по руке. – Моцарта играл, здорово... Какой ты необыкновенный... Какая рука красивая... Приятная кожа... Пальцы такие... Настоящий пианист...

– Вообще-то я играю на виолончели, – сказал Митя, аккуратно, чтобы не обидеть девушку, отнимая руку, неудобно все-таки, все смотрят вокруг. – Я тебе говорил, кажется, да?

– Да, ты говорил… Я помню… Конфету хочешь? – Тося быстро достала конфету из кармашка юбки, развернула ее и поднесла к Митиным губам. – Шоколадка немного расплавилась… Я теплая очень, шоколадка об меня согрелась… А у тебя губы красивые… Такие брутальные… – быстро и негромко продолжала девушка. – Сексуальные… Верхняя особенно…

Митя молча жевал конфету и смущенно слушал Тося, не зная, что на все это сказать.

– Наверно, ты хорошо целуешься, да? – продолжала Тося.

– Н-не знаю… – ответил Митя, чувствуя, что говорит что-то не то, и вообще… ужасно неудобная ситуация. – То есть… Д-да…

– Покажешь?

– Что? – Митя почувствовал, что неудержимо краснеет, как дурак, как последний идиот.

– Как ты целуешься… Попробуем? Прямо сегодня… – совсем тихо, но очень внятно проговорила Тося. Никто не мог этого услышать. Со стороны могло показаться, что Тося стоит рядом с ним и просто улыбается.

– А… – Митя не знал, что ответить, а Тося ждала ответа. Нехорошо, когда девушка ждет ответа, а ты стоишь столбом и не знаешь, что ответить. – Я… Слушай, я хочу математику повторить…

– Я с тобой… – проворковала Тося и цепко взяла его под руку. – Куда пойдем? На диванчик?

На большом круглом диване у окна в холле уже сидели две парочки и несколько ребят. Ребята играли в телефон, а парочки обнимались. Митя дошел с Тосей до дивана, остановился, потом освободил свою руку, аккуратно, но твердо.

– Нет, знаешь, извини, я сейчас… просто не могу. Хорошо? Не обижайся.

– Я не обзываюсь, – сказала Тося и облизнула губы, медленно-медленно, самым кончиком языка, по кругу – верхнюю… потом нижнюю, и не закрывать рта потом, чуть выставляя вперед губы…

Обычно это действует на ребят. Простенькая такая уловочка, ничего особенного, а они начинают волноваться – плечи расправляют, гарцуя, стараются привалиться к ней, прикоснуться, начинают нести чушь, кровью наливаются, пунцовеют…

Тося видела, как это делает ее мать. Мужчины любят ее мать, не женятся, правда. Но кому нужны такие мужья? Нормальных мужчин у матери не бывает, потому что она неразборчивая. А Тося – разбирается в мужчинах, тем более в мальчиках. Деряев ей не нужен, худой, болезненный, никчемный, странный. А вот Митя, хоть и тоже с некоторыми странностями, ей нужен. Из него точно что-то получится. Скорей всего, он будет известным музыкантом, ездить по всему миру… Она могла бы ездить с ним… Она видела сто раз по телевизору, как выходит звезда и его женщина – жена или подруга… В мягкой шубе, наглая, далекая, сама еще больше звезда, чем он, – потому что с ним, потому что он ее выбрал. Это дорогое стоит.

Да и дело не в том, кем он станет. Пусть сначала станет. Но с ним хоть приятно время провести. Кожа чистая, почему только прыщей нет – непонятно, у всех мальчиков прыщи, а у него нет, подбородок ровный, четкий, каштановые волосы мягкие, шелковистые, волос много, красивые, всегда чистые, так и хочется в них зарыться лицом, прижаться грудью, и руки изящные, а уж фигура…

Тося пару раз заходила в мужскую переодевалку до физкультуры, точнее, делала так, что ее туда затаскивали мальчики – хихикала, поддевала их, висла то на одном, то на другом, залезала, обвивая ногами, а они перегревались и тащили ее к себе. Тося же очень хотела посмотреть на Митю без рубашки и брюк. И она не ошиблась.

Мощные длинные ноги, уже как у взрослого мужчины, широкие ровные плечи, торс – как будто выплеснутый, качается, наверно, грудь рельефная, прямо хочется ее потрогать… Как можно не желать близости с таким парнем? И Тося своего добьется, никакая Эля ей не помешает. Только что Тося видела, как они с Митей поссорились. А Тося ссориться не будет,

ни за что. Потому что она четко знает, что ей нужно. И она знает, как сделать, чтобы Митя сам к ней пришел.

Митя на секунду замер, как зачарованный, глядя на Тосю. Раскрытый доверчиво ротик, розовый язычок, вся подалась навстречу ему... Конечно – улыбнулась про себя Тося – все замирают. Мальчики устроены очень просто – и тупые, и ботаны, и вот такие, как Митя – сложные, замудрёные, из другого теста, из другого какого-то мира, где Тося никогда не была еще. С Митеем даже забавнее, интереснее, азарту больше. Какой смысл завлекать Деряева? С Кирюхой и так все ясно – что было, что будет. А с Митеем вон как всё заворачивается. И гордячку Теплакову победить очень хочется. Так, чтобы побледнела, увидев Тося с Митеем, чтобы поняла, что проиграла. Ей досталось все – и рост, и богатые родители, и роскошные волосы, и хорошая светлая кожа, и длиннющие ноги, и ум – кому он только нужен, ее ум. Женщине не такой ум нужен.

– Я пойду, Тося, звонок... – Митя от неловкости не знал, куда девать руки. И ноги... – Математика...

– Жа-алко, что мы с тобой в разных группах... Ты у-умный... – протянула Тося, вкладывая в эти слова все, что хотела бы ему сказать.

И Митя услышал. Так внимательно на нее посмотрел, как будто пропустил какие-то слова. Как будто хотел еще что-то услышать.

– Я напишу тебе, – пообещала Тося. Она знает, как это сказать. И пообещать, и одновременно как будто неуверенно, спрашивая разрешения. – И ты пиши мне. Ночью, хорошо? Вконтакте.

– Да, да... – кивнул Митя и побыстрее пошел в сторону класса математики.

Когда он волновался, то начинал ходить с носка, широко разводя ноги. Это очень глупая походка, неловкая, смешная, но он ничего не мог с собой поделать, ноги сами шли враскоряку, как у потерянного, отсталого тюленя... Элька так его называет, когда он ходит на носках. Митя постарался идти нормально.

– Бубенцов, ты в порядке? – остановила его высокая полногрудая завуч.

Почему учительницы все такие толстые? Митя смотрел на Марину Тимофеевну, перегородившую ему путь. Ведь они целый день бегают, бегают – по коридорам, по лестницам вверх-вниз, носятся по классу, редко кто из учителей ведет урок сидя, поесть на переменах некогда, если они и приходят в буфет, там толком не поешь – сутолока, толкотня, шум, кто-то обязательно упадет, кто-то подойдет не вовремя с вопросами, просьбами...

– Митюша, зайчик, ты что? – Марина Тимофеевна положила полную белую руку ему на лоб. – Лоб вроде прохладный. Ну, что ты? – Она нежно погладила мальчика по выпуклой груди. – Слушай, ну как ты накачался, прелость моя... Молодец, следишь за собой. Был такой упитанный зайка, а теперь – ну просто мачо, итальянец... Качаешься, правда?

– Немного, – смущенно кивнул Митя. – Полчаса в день.

– В тренажерный зал ходишь? – спросила Марина Тимофеевна и сама осеклась. Мальчик же из бедной семьи, ну какой зал, даже в школе тренажеры теперь после уроков платные.

– Я – дома, Марина Тимофеевна, мне батя турник повесил, из трубы сделал.

– Умница, Митюша, какой ты умница. – Марина Тимофеевна отвела волосы со лба Мити. – Ты хорошо себя чувствуешь? Растерянный какой-то... И лоб влажноватый вроде... Ты не заболел?

– Я – нет, все нормально... у меня математика сейчас...

– Иди, зайка, на математику, иди... У вас мой урок сегодня есть? Увидимся еще, есть урок, кажется...

Митя увидел в конце коридора Элю, вокруг нее бегал, припрыгивая, все тот же румяный, с высоко зачесанными белыми волосами... как же его фамилия... прозвище еще такое дурацкое... Дуда! Да, Дуда! Что ему от нее надо? Хотя какое Мите дело? Пусть Эля развлекается

с кем хочет, раз она такая. Только что с ним разговаривала, а вот уже с Дудой смеется. Да ради бога!

– Что, Марина Тимофеевна? – перевел он глаза на учительницу биологии, которая все так же стояла близко-близко, так, что он чувствовал ее пряные духи. Не очень приятные. Или, наоборот, приятные. Он не разобрался пока. Слишком много впечатлений.

– Я говорю – ты здоров? Глаза потерянные… Хочешь, после этого урока зайди, я тебе чаю налью, мне такие конфеты принесли дети, закачаешься, с коньячком…

– Да, хорошо… спасибо… – выдавил из себя Митя. – С коньяком? В школе?

– Немного коньяка полезно для кровообращения! – засмеялась учительница. – Да и какой это коньяк, не настоящий! И потом – у нас же школа, а не монастырь для тех несчастных, кто жизнь разлюбил, правда? У меня урок как называется – био-ло-гия! Изучаем жизнь! Во всех ее проявлениях!

А ведь она – хорошая учительница. Почему тогда она так глупо иногда смеется? Почти как девчонки из его класса и даже младше. Она вообще-то хорошая. Она ведет музыкально-театральный кружок, сама потому что любит петь и играть на гитаре, он пробовал туда ходить, но было скучно, выступать ему всегда стыдно – и с виолончелью, и со стихами, а тем более наряженным в костюмах.

Он однажды играл принца в «Золушке», сам себе совершенно не понравился, хотя имел большой успех у девочек. Это приятно, это жутко приятно, девочки потом несколько дней бегали вокруг него, прибавилось сразу заявок в друзья Вконтакте, кто-то писал ему, ставили лайки на фотографии, и всё крутились вокруг, крутились, хихикали, но когда он посмотрел запись короткого спектакля – они уложились в пятнадцать минут, придумали сокращенный вариант, потому что в кружке занимаются всего четыре человека, – ему стало плохо. Видеошок, так это, кажется, называется.

Он даже не мог себе представить, что он такой уродливый, так нелепо ходит, говорит таким странным, сдавленным голосом, что у него такие уши… трудно сказать какие, но какие-то неправильные. А нос – так вообще ужас. Откуда у него такой нос? У бати – обычный, у матери – тоже. Носы как носы. А у него – как у римского легионера. Не большой, нет, наоборот, аккуратный, но почему-то с небольшой горбинкой, такими широкими ноздрями… Ни у кого из родственников нет такого носа.

– Придешь на кружок еще в мае? Или как?

– У меня… – Митя замялся. Что соврать? Экзаменов в десятом классе нет. В музыкальке он уже дополнительный год учится, тоже экзаменов нет. Концерты все прошли…

– Приходи обязательно, и Иван Селиверстович так тебя ждет…

Митя любил второго руководителя школьного театра. Никто в школе не любил его, многие смеялись, из-за него-то и заниматься в кружке никто не хотел. А Митя – любил. Жалел и уважал одновременно. Ведь так может быть? Он видел, что никто не понимает Ивана Селиверстовича, никто не воспринимает всерьез, даже сама Марина Тимофеевна. А Митя видел, что это тонкий, очень несчастный человек, который мог бы так много сделать в жизни, если бы ему хоть чуть-чуть повезло. А ему не повезло. Так же, как его бате.

– Приду, – твердо сказал Митя. – Приду, Марина Тимофеевна. Передайте Ивану Селиверстовичу. Приду. Обещаю.

То, что Марина так в него влюблена, как девчонка, – а дураку ясно, что влюблена, – ему мешает. Приятно и мешает. Из-за этого он и ходить не хочет на кружок. И играть после «Золушки» ему уже не так хочется, и стыдно, когда Марина все подсаживается к нему, подсаживается, трогает его крупными белыми руками, касается полными коленками, обволакивает прямыми духами, а уж когда наваливается огромной грудью, он совсем теряется, мгновенно взмокает, как жалкий убогий мышонок. Но… прийти поговорить с Иваном Селиверстовичем можно. Они разговаривают часами – обо всем, о театре, о музыке, о том, как тяжела планида у

художника – у любого, у скульптора, актера или виолончелиста. Иван Селиверстович понимает его так хорошо, гораздо лучше, чем, скажем, Митина мать. Конечно, не так, как батя...

Но батя – это особый разговор. Он всегда так близко, что иногда Мите кажется – он перестает понимать, где батя, а где он. Его это мысли или отцовы. У них всё общее. Они даже чай часто пьют из одной огромной чашки. Митя – глоток и батя – глоток. Это батя так когда-то придумал. Рассказывал ему, что так пьют в походах, когда чашек на всех не хватает. Ну и вообще, для того, чтобы подружиться... Так и повелось у них. Мать ругается, а они только пересмеиваются и переглядываются – им так удобно, привычно. Когда мать уезжает в командировки, Митя подкатывается и ночью к отцу. Большой грузный отец может во сне стянуть с него одеяло совсем или ненароком столкнуть его с дивана. Ну и что. Зато рядом с ним Митя чувствует себя маленьким, любимым, хорошим, нужным.

Кто-то хочет взрослеть, торопится, а он – нет. Отец сгребет его в охапку, навалится на него и так и засыпает, и Митя засыпает, чувствуя родной запах, абсолютную защищенность. Его дом – там, где отец. Если им все-таки придется продать их квартиру, чтобы как-то жить, он поедет с отцом и в Подмосковье, и будет жить в любом сарае. Лучше, конечно, в каком-нибудь домике, не в сарае... Но если прижмет – то где угодно. Потому что отец не виноват, что с ним так все в жизни произошло. Не виноват, Митя знал это точно. Кому-то везет, а кому-то – нет. Его талантливому, красивейшему, умнейшему отцу просто не повезло.

«Главное, сынок, не попадать во власть ни к одной женщине, запомни», – часто говорит ему отец, говорит с самого детства. Когда Митя был маленький, он не понимал, что такое власть, думал, что это что-то огромное, сладкое, душное, куда можно упасть и никогда оттуда больше не выпутаться. Почему он сейчас об этом вспомнил? Может быть, Маринины духи ему напомнили отцовские слова и свои детские страхи.

– Что, Митяй, с Тосей перетирал? – Деряев улыбался, внимательно глядя на него.

Хороший, умный парень Кирилл, Митя мог бы с ним дружить, но Деряев подходил на определенное расстояние, а ближе не хотел. Митя видел, что тот не до конца искренен.

– Да, поговорили, – улыбнулся Митя. – Хорошая девчонка.

– Хорошая... – прищурился Деряев. Митя – полный идиот, но это как раз очень кстати. Потерпеть его придется. – Музыку любит.

– Правда? – обрадовался Митя. – А какую?

– Эй, орлы! – Наталья Петровна перестала писать на доске и резко обернулась к мальчикам, заговорившим в голос. – Вы или здесь и решаете вместе со всеми, или выходите к доске, как первоклассники, и стойте молча. Я не для того вас в профильную группу переводила, чтобы вы у меня лясы точили на уроке. – Наталья Петровна решительно ткнула пальцем в интерактивную доску. – Так, это сократим...

– Простите, Наталья Петровна... – сказал Митя, примирительно улыбнувшись ей. – Исправимся.

– За себя говори, придурок... – пробормотал Деряев.

– Что? – обернулся к нему Митя.

– Ничего, потом поговорим.

– Агась! – кивнул Митя.

– Придурок... – еще раз повторил Деряев и пнул Митин стул.

Вот чуть-чуть только потерпеть его, но как же трудно это будет. И за что только он нравится девочкам? И даже взрослым женщинам. Он видел не раз взгляды училок... Что они в нем находят? Деряев гораздо выше, и плечи у него шире, и усы давно растут, и волосы вполне нормальные, он теперь их не забывает мыть – мать не заставляет уже, глаза яркие, черные, как посмотрит – обожжет. А что такого в Бубенцове? Ведь он придурок. Иногда как начнет ласково и приторно разговаривать, как старый дядька, да и не просто старый, а устарелый. Обороты у

него какие-то ненормальные, слова устаревшие... А училки только умиляются. И внешность... Ну что такого в его внешности? Лохматый вечно, волос много, цвет какой-то непонятный – ни то ни се, глаза – ничего особенного, да вообще в нем ничего особенного нет! Кроме выпендрежа. К тому же бедный, самый бедный в классе. Так с виду не скажешь, конечно, одет нормально, телефон средненький есть вроде, планшет даже какой-то... Но Деряев зимой ходил к Мите домой, тот звал «на чай» (придурок!), и ахнул.

Он думал, что беднее, чем они с матерью живут, квартир сейчас не бывает. Бывает. Любимый всеми красавчик Бубенцов живет, оказывается, в крохотной смежной хрущобке, с родаками и жутковатым котом. Отец его из дома практически не выходит, редко очень, а кот – тощий, ушастый, морда наглая, и, главное, смотрит, как будто все про Деряева понимает. Вот Митя ничего не понимает, верит, улыбается, а кот – глупое животное – понимает. Деряеву так хотелось пнуть его в прихожей, так тот его потом поймал из-под стула и оцарапал – ботинки, видать, не нашел, Деряев снимать их не стал. Куда в такой квартире ботинки снимать! Принесешь еще домой блох каких-нибудь... А ремонтировалась квартира, наверно, последний раз лет сорок назад. Или никогда вообще. Темно-зеленые обои в мелкие огурцы, серые облупившиеся двери, старые окна с качающимися форточками, на полу – темно-коричневый линолеум. И Митина убогая комнатка с аккуратно застеленной кроватью, вьющимся по стене цветком, фотографиями известных музыкантов, известных только Мите, потому что кроме него никто такую музыку не слушает, полочка с фигурками, которые тот лепит от нечего делать, и, конечно, посреди комнаты – сверкающая виолончель. Вот это, наверно, подкупает женщин – его необычность. Деряев готов все сделать, чтобы Тося была с ним, а Митя сидит дома, пилит часами на виолончели и лепит никому не понятные фигурки. А все в диком восторге от него. Нет, Деряев возьмет другим.

– Кирилл! – прокричала Наталья Петровна, подойдя к Деряеву.

Тот вздрогнул и поднял на нее глаза.

– Я тебя, знаешь, сколько раз звала! Тебя перевести обратно, в слабую группу?

– Нет, Наталья Петровна, – обернулся к ним Митя. – Пожалуйста. Кирилл просто... Это я его отвлек.

– Митюша, отвали, дружок, – ласково посоветовала ему математичка. – У тебя у самого положение пока шаткое. Я тебе пятерку в году обещала, я тебе ее и не поставлю, ясно?

Деряев посмотрел на Митю. Хорошо, что Митя мало что понимает в жизни. И взгляд этот сейчас не понял, улыбнулся в ответ. Ну не дурак ли? Ничего, скоро все будет по-другому, ему бы лишь раз наедине с Тосей остаться, она поймет разницу – между этим недоумком и Деряевым.

Глава 4

- Почему Элька сегодня такая? – Федор взглянул на жену.
- Вперед смотри, – посоветовала ему та. – Почему опять сам за рулем?
- Хочу водить.
- Ладно, – вздохнула Лариса. – Води. Элька – какая? Вздернутая?
- Ну да.
- Возраст такой.
- Нет, что-то другое. Ничего не скрывает?
- Не думаю, – пожала плечами Лариса. Говорить или не говорить мужу о мальчике, который нравится Эльке? Вроде она пообещала дочери... Хотя узнала совершенно случайно, уви-деля как-то, что тот провожает дочку до подъезда. А не увидела бы, Элька еще неизвестно сколько времени не сказала бы ей.
- Мальчик никакой ей пока не нравится? – Федор остановился на долгом светофоре и внимательно посмотрел на жену.
- Федя... Ну как тебе сказать... Она нравится мальчику. А он ей – не знаю.
- Вот вам и новости! Узнаю последним. Ну, давай, жена, рассказывай. Кто, что, когда, кто родители, сам откуда...
- Федя, Федя, Федя... – Лариса погладила мужа по руке. – Успокойся. Очень хороший мальчик. Из хорошей семьи. Мать где-то на телевидении работает, вроде как...
- Вроде или работает? – Федор недоуменно взглянул на жену и тронул с места машину.
- Я... я точно не знаю, неудобно было допытываться.
- Ну, здравствуйте вам, Лариса Сергеевна! – Муж с досады не притормозил на пешеходном переходе. – Простите меня, люди, у меня в семье такое...
- Ну какое у тебя в семье, Федечка, ну что ты... Все хорошо. Мальчик красивый...
- О, это меняет дело! – засмеялся Федор. – Красивый – это главное качество, конечно.
- Не детей же нам с ним крестить, Федя, – примирительно сказала Лариса.
- Ты дочку нашу знаешь? Или всё или ничего! Или как? Что-то поменялось?
- Федя, ну... Выпытывать неудобно... Но я знаю, что мальчик учится хорошо вроде...
- А где она его нашла?
- Да нигде не нашла, они в одной школе учатся, только мальчик на год старше.
- Зовут как?
- Митя.
- Дмитрий, значит. Ну нормально. Как деда моего.
- Да нет, Федя...
- Лариса взглянула на мужа. Что он так нервничает? А ведь есть еще и Костик, который регулярно пишет Эльке Вконтакте, Лариса то и дело видит сообщения в телефоне, если дочка забывает его на столе в кухне. Вот тот странный мальчик, это правда. Лариса недавно увидела сообщения: «Элька, хватит мне писать!», «Элька, не приставай ко мне больше!». А дочка в это время два часа плавала в бассейне и там же в зале занималась на тренажерах. А телефон забыла дома. Лариса спросила Элю, что это все значит, та лишь пожала плечами:
- Приятель, мам...
- А почему он просит тебя к нему не приставать?
- Флиртует так, мам. Другой формы не нашел. Меня это бесит, ему нравится – я на него внимание обращаю.
- Ну так что, сказать Феде еще и про странного Костика? Лучше не всё сразу.
- В смысле, Митя – не Дмитрий? А кто?
- Лариса осторожно погладила мужа по щеке.

– Митрофан.

– Митрофан? А у него родители нормальные?

– Нормальные, Феденька, я же тебе сказала. Мать – на телевидении где-то работает, а отец – скульптор.

– А, скульптор… Хорошо. Художественная семья, ладно. А сам пацан что?

– Школу музыкальную окончил. На виолончели играет. Поступать вроде собирается.

– А, ну еще ничего… – облегченно вздохнул муж. – Тогда ладно. На виолончели сильно не забалуешь. Как часа четыре посидишь… Я представляю… Ладно.

– Ну вот, я же говорю – нормальный мальчик, положительный.

– Понравился тебе?

– Я недолго с ним разговаривала. Взгляд такой… – Лариса замялась.

– Какой?

– Как тебе сказать… Настороженный. И понравится мне хотел, когда понял, что я Элькина мать. Улыбался изо всех сил.

– Зубы хорошие? – засмеялся Федор.

– Не коня же выбираем, Федя!

– Я надеюсь, что вообще пока не выбираем никого! Что за разговоры, Лара! Так что у них?

– Да кажется, ничего, Федь. Так, пару раз провожал. Ты же видишь, Элька никуда не ходит, после школы не задерживается. Школа, бассейн, танцы, все. Два раза в неделю ходит на вокал в музыкальную школу.

– Уговорил бы кто ее поступать в консерваторию!

– Эльку уговоришь… Попробуй уговори.

– Ладно. Я сам не уверен, надо ли уговаривать… Так, Ларис, нам сегодня с тобой надо разобраться с новой линией. Я надеюсь, сегодня все утвердим и запустим на той неделе. Еще мне идея с прибалтийским хлебом нравится, только я бы определился – какой именно. Латышский, так латышский, литовский, так литовский.

– А есть разница?

– Большая. Разберись сама, я тебе не объясню. Но есть. И надо, чтобы было четко. И названия надо их узнать аутентичные. Я вчера смотрел, есть такие прямо яркие, красивые названия, так и назовем, привлечет сразу. И надо, чтобы срок хранения нормальный был.

– Больше обычного?

– Может, чуть больше. Хлеб плотный, много не съешь сразу… В общем, все мелочи продумать нужно. И не мелочи. Потолок цены сразу надо на него определить, чтобы неахнуть потом.

– Феденька, я удивляюсь, как тебе не надоело во все детали влезать, хотя у нас уже есть все люди, кто занимается специально и рекламой, и финансами, и рецептами, и названиями…

– А если не влезать, смысла нет. Мне иначе неинтересно, Лара. Ты же меня знаешь… – Федор посмотрел на жену. Удивительно, как она почти не меняется. Чуть уставшее лицо как будто. Конечно, она еще молода. Но у некоторых друзей жены стали расплываться и, главное, в них трудно узнать тех девушек, с которыми они познакомились в молодости. Но Лара – другая.

– Федя, вот еще что… Элька… – Лариса с некоторым сомнением посмотрела на мужа.

Он оказался неожиданно ревнивым по отношению к Эле. Ее саму никогда не ревновал или ревновал так, что она этого не чувствовала, даже немного обижалась. А Эльку ревнует теперь за двоих.

– Да? Есть еще кто-то? – тут же вздернулся Федор.

– Нет, нет… Знаешь, она хочет поехать на фестиваль.

– Куда?

– В Латвию.

– Ну здорово, пусть едет. Вот, может, хлеба как раз привезет, попробуем. А кто еще поедет? Тебя я не отпущу, на день только, без тебя все остановится.

– Да я и сама не поеду. Преподавательница ее поедет. Ее или какая-то еще...

– А что Эля петь будет?

– Красивое что-то очень. Она мне напела вчера. Сложное, красивое. Португальское фадо, народная песня, с необычными голосовыми штуками всячими. Ни на что не похоже, ни на итальянское, ни на испанское, чудо просто какое-то.

– Пусть поет. Удивительно, что она не хочет серьезно учиться пению. Как бы было хорошо. Поет девушка и поет. И ничего ей больше не нужно. Ни математики, ни химии.

– Не хочет, Федь. Серьезная девушка, дальше учиться хочет. Пение – только для себя.

– Не знаю... – покачал головой Федор. – Странно как-то все у нас в семье... Другие без голосов поют, а у нас с голосами – и никто петь не хочет.

– Традиция такая... – негромко сказала Лариса. Она обычно этой темы не касалась, но раз сам заговорил муж – ладно.

– Я давно не переживаю, Лара, – улыбнулся Федор, – не надо так осторожничать со мной. Я сто раз уже порадовался, что не стал работать в музыкальном театре. Как посмотрю сейчас на своих однокашников по консерватории...

– Только лет пять как вообще не заговаривал об этом, а так все хорошо, – вздохнула Лариса.

– Просто пять лет думал, прав я был или нет... Слушай, ну мы доедем когда-нибудь сегодня или нет? Вроде рядом, пешком быстрее... Надо было в шесть утра совещание назначать. Цех же ночью работает, и администрация наша как миленькая пусть на ночную смену переходит.

– Ладно, я подумаю, – серьезно кивнула Лариса. – Пешком не очень, стройка везде, не пройти, и потом, как я на каблуках протопаю три километра...

– Да и вообще несерьезно, да, Лар? Хозяева пешком на работу приходят. Или на великах еще можно... Смешно. Как-то оно незаметно так все сложилось... Я иногда просыпаюсь и в первую минуту не помню, что у нас все это есть. Тут проснулся, и мне показалось, что мне сегодня петь надо, я горло пробовать стал – болит не болит, все ли хорошо...

– Федь...

– Нормально. Понял, что не надо ничего пробовать и петь не нужно, – обрадовался. Честно. Вспомнил, что у меня такое богатство, в смысле, что я делаю такое хорошее дело. Что-то я разболтался. Старею, Лар.

– Поговорить с женой искренне – это стареешь? – усмехнулась Лариса.

– Не придирайся. Позвони лучше, готовы ли макеты новых этикеток. Пусть несут, посмотрим. Да?

– Да.

Лариса улыбнулась мужу. Хорошо, что все так. Хорошо и невероятно. Так не бывает, как у них в семье. Ни у кого из подруг так нет. Федор ей не изменяет – она уверена в этом, они практически не расстаются. Федор хороший, порядочный, веселый, здоровый. У них ребенок один, но зато какой – красавица и умница Элька. Чуть заносит ее в последнее время – но это возраст.

Познакомилась Лариса с Федором, когда он уже окончил консерваторию и начал работать в музыкальном театре, сразу получил партию Фигаро – кто из молодых певцов не мечтает спеть? А она только поступила в литературный институт. Сама не знала, что толком хотела – читать хорошую литературу, говорить о ней, писать стихи, рассказы, кем быть – она не понимала. Когда окончила, стало ясно – книги писать она не будет, стихи – разве что для себя. Редактировать чужую прозу ей тяжело. Если бы редактировать Чехова или на худой конец

Фитцджеральда, а ведь надо читать такую разную, часто очень несовершенную прозу. А это ей неинтересно. И она пошла работать в школу.

В школе ей понравилось, несмотря на то, что работать она могла только с детьми не старше шестого класса – подростки ее не воспринимали, смеялись, мальчики приставали, ей на вид трудно было дать даже двадцать лет, девочки не слушали. Проработала пару лет, вышла замуж за Федора, родила Эльку, а тут и перемены начались в их жизни.

Федор ушел из театра. Почему, объяснить это было невозможно. Пел главные партии и маялся. Участвовал во всероссийском конкурсе, получил вторую премию – и маялся. Снялся в музыкальном фильме, записал с оркестром диск. И все время хотел чего-то другого.

– Ставить? – спрашивала его тогда Лариса. – Сам хочешь оперы ставить, музыкальные спектакли, мюзиклы, что?

– Не знаю… Нет, наверно. Не пойму.

– Пойти поучиться еще можно, Федя, я возьму учеников подтягивать по русскому, готовить к экзаменам, проживем как-нибудь, родители наши помогут с Элькой…

– Нет, Лара, нет. Не обращай внимания. Голос есть – пою. А там посмотрим.

Друг Федора тогда затеял свое дело – печь хлеб. Лариса отнеслась к этому скептически, друг вечно затевал то одно, то другое и всегда прогорал. А Федор неожиданно серьезно решил вложить свои деньги. Лариса протестовала, как могла. Деньги нужны для записи следующего диска.

– Деньги нужны. А диск мой никому не нужен, – отвечал ей муж.

– А хлеб нужен, Федя? Что, хлеба людям не хватает? У тебя – голос…

– У меня обычный голос. Ты не отключишь его от других. Я вчера тебе поставил запись, ты меня так хвалила…

– А что, ты плохо разве спел эту партию?

– Хорошо, Лара, только это пел не я. У меня неразличимый тембр.

– Федя, ну я не знаю. У тебя творческий кризис. Тебе не хватает денег? Вот поедешь, может быть, в миланскую оперу…

– А может быть, и не поеду. Лара, я устал от постоянного страха. Устал бояться инфекций, шарахаться от любого, кто чихает, устал от режима, устал трястись над своим здоровьем, вообще устал. Хочу другого. Имею право.

– Имеешь, Феденька, конечно… Только если человеку дан талант, им нельзя размениваться.

– У меня просто голос, Лара, никакого особого таланта нет.

– Странно… Всегда все хотят петь, если есть мало-мальский голос.

– И я хотел, Лара. И перехотел. Все, надоело.

– Хочешь деньги зарабатывать?

– И деньги зарабатывать, и вообще… Другого чего-то хочу. Было бы две жизни, одну бы пел, другую чем-то еще занимался. А жизнь, к сожалению, одна.

– Ладно, – неожиданно согласилась тогда Лариса. Она всегда понимала мужа как-то иначе, изнутри, не от тех слов, которые он сказал, а как будто чувствовала то, чему слова найти трудно. – Тогда я тоже уйду из школы и будем вместе что-то делать. Пойдет так?

– Ты серьезно говоришь?

– Серьезней некуда. Ты что хочешь? Хлеб печь?

– Да.

– Ну вот, я и тоже буду с тобой печь. Все продаем, старую бабушкину дачу в Нахабино, родительскую квартиру в центре, которую собирались сдавать, берем кредит и покупаем вместе с твоим Егоркой хлебзавод номер пять?

– Да, – ошарашенно кивнул Федор.

– Отлично. Егоркины – двадцать пять процентов. От него один вред, не обижайся. Главное, чтобы он особо не лез. Я буду директором и хозяйкой. Срочно придется закончить экономические курсы.

– А я?

– Ты – хозяином и… – Лара взяла обеими руками лицо мужа и покрутила его туда-сюда, – и лицом. У тебя такая симпатичная русская пухлая мордашка, приятная, позитивная, чуть отрастим бороду… Вот тебе и лицо. А назовем нашу хлебную фабрику… Как назовем?

– Что-то незатейливое бы и понятное…

– Может, просто «Тепло»? К фамилии имеет отношение. И зимой будет приятно такое название.

– А зима у нас полгода… – засмеялся Федор.

– А если – «Хлебная мануфактура Теплаковых»? А, как?

– Пафосно немножко, но…

– А без пафоса и затеваться нечего, Федя.

Муж покачал головой.

– Возможно…

– Так что – решили?

– Да, Лариска, наверно, пусть так и будет.

Так полуслучаю Лариса с Федором десять лет назад начали свое дело. Помогло всё: друг Федора Егор, у которого до этого прогорали все проекты, уже нашел закрытый хлебный завод и договорился о его покупке; отец Федора до самой смерти работал в мэрии, и там остались хорошие связи, завод удалось купить за четверть его реальной стоимости; Ларисин отец, еще вполне бодрый, продолжал служить в милиции, занимая не последний чин в округе, тоже со всех возможных сторон подстраховывал их начинание. Было кстати и то, что брат Федора, семь лет назад уехавший в Германию и сделавший там успешную карьеру, отказался от доли в наследстве, а квартира от родителей Федору досталась огромная, в «тихом центре», в Николопесковском переулке, с видом на старый Арбат. «Бабушкина дача» – это тридцать соток земли в популярнейшем месте. Ларису с Федором Нахабино уже раздражало близостью к Москве, а земля там стала теперь золотая. Мануфактуру на все это не поднимешь, но серьезный взнос был сделан.

Лариса же оказалась на удивление точным и расчетливым экономистом. «В юности мне нравилось читать Мандельштама и Волошина, – смеялась Лариса. – А теперь нравится продираться через дебри финансовых раскладов, сводить концы с концами в отчетах и писать планы развития. Разве так не может быть?»

На третьем году существования мануфактуры Лариса с Федором пережили пожар – сгорел, слава богу, не производственный цех – огонь не успел до него дойти, подожгли со стороны администрации и склада. На пятом году с помощью Ларисиного отца кое-как отбились от конкурентов, настойчиво предлагавших принудительное слияние предприятий. К десятилетию мануфактуры Теплаковы получили подарок – известный политик решил добавить себе популярности, поддержав такое позитивное производство, как выпечка традиционного национального хлеба, что было основой стратегии Теплаковых.

Лариса с Федором выпекали хлеб не только русский, но тщательно и добросовестно воспроизводили рецептуру добрых соседей, не важно, в каких отношениях держава находится с ними в конкретный исторический момент. Традиционный хлеб бывших соседей, неспокойных соседей, дружелюбных соседей, коварных, гостеприимных… – любых. Выпечка Теплаковых пользовалась спросом именно благодаря сочетанию качества и регулярного обновления продукции: то румяный казахский шельпек, то нежнейший армянский лаваш, то плотный финский хлеб с семечками и кунжутом, то немецкие булочки с корицей, марципанами, то белорус-

ские картофельные рагоуляйи... Каждые три месяца запускался новый ассортимент, из старого оставались только самые удачные и популярные.

Лариса сама занималась поисками рецептов, оригинальных, вкусных, экономичных. Федор всегда настаивал, чтобы их продукция находилась в сегменте доступного, для этого приходилось самим за все браться, во все вникать и ни на секунду не отвлекаться от производства.

Отдыхать они ездили несколько раз в году, но не дольше, чем на пять дней – это тот максимальный срок, на который можно оставить большое производство, где постоянно может что-то произойти – то приходится выбраковать партию товара, то не поставили вовремя сырье, то случилась авария, то не хватает персонала, то идут проверки за проверками, наезжают все новые и новые конкуренты или просто лезут под ноги авантюристы, пытающиеся легко заработать на тех, у кого есть стабильное, развивающееся и дающее доход дело.

Несколько лет назад Теплаковы с грустью попрощались со своей крохотной квартиркой, которую в складчину купили им родители после свадьбы. Ее давно уже пора было менять, когда стала подрастать Элька. Малышкой она часто оставалась то у одних родителей, то у других, пока не умерли друг за другом отец и мать Федора и неожиданно не выросла сама Эля, превратившись из смешной трогательной малышки с большими глазами, пушистыми ресницами и золотыми кудряшками в красивую и своюенравную девушку-подростка. Тогда Федор сказал:

– Все, у дедушки с бабушкой больше не ночуешь, они в тебе видят малыша и балуют, и вообще пора переезжать в ту квартиру, в которой у меня будет кабинет. Я, кажется, заработал себе право на кабинет.

– Тебе не хватает кабинета на работе? – удивилась Лариса. – Зачем тебе дома кабинет?

– Я повешу на стену отцовское ружье, закажу себе парадный портрет и... поставлю кабинетный рояль.

– Ну, дожили, – вздохнула Лариса. – Пойдем обратно в театр?

– Нет, – засмеялся Федор. – В театр меня уже не возьмут, да и я еще с ума не сошел. Но... В общем, решено. Ищем большую хорошую квартиру, где у всех будет свой уголок, и желательно – побольше и посветлее.

– Двухэтажную квартиру, – подсказала Элька. – Мне комнату на втором этаже, идет?

– Можно и двухэтажную, – согласился Федор. – Лара, а у тебя какие пожелания?

– Чтобы в окно не тарахтели машины и не гремела стройка, чтобы можно было открывать окна, дышать, чтобы воздух был не искусственный, было видно небо, деревья, парк какой-нибудь... Или лес...

– Может, нам поискать квартиру не в Москве, а, скажем, в Петрозаводске? На берегу Онежского озера? Мне реклама недавно приходила. Ночь езды от столицы, – засмеялся Федор.

– Нет, пап, я из Москвы никуда не уеду, – запротестовала Элька.

– Да и я тоже, Федя!

– А где ты такое место в Москве сейчас найдешь, чтобы без машин, да без стройки, а в окно – небо и деревья?

Но квартиру такую они нашли. В своем же районе, в месте, не пользующемся особой популярностью у застройщиков из-за большого количества несносимых кирпичных семиэтажных домов, где чудом кто-то втиснул в середину дворового парка новый небольшой дом индивидуального проекта, разной этажности с вполне большими квартирами.

В этом доме как раз оказалась двухэтажная квартира с замечательной комнатой для Эли, огромной застекленной лоджией для зимнего сада, оригинальным помещением с шестью углами, где Федор сделал себе кабинет, и даже небольшим бассейном на минус первом этаже, где всегда была слишком прохладная вода, и до въезда Теплаковых там плавала только одна семейная пара в гидрокостюмах, с аквалангами и... с собакой.

Федор быстро и без ссор навел порядок и в бассейне, и во дворе, где некоторые соседи пристроились было мыть машины прямо на траве, как у себя на даче, и на этаже, где те же

соседи-дайверы держали надувную лодку, скутер и четыре горных велосипеда. Лариса только удивлялась, глядя, как муж легко и твердо решал все вопросы на новом месте, вспоминая, как познакомилась с ним много лет назад, даже не представляя, что смущенный, легко краснеющий, чуть полноватый артист, певец станет совершенно другим человеком, деловым, успешным и очень просто находящим общий язык с совершенно разными людьми.

Глава 5

- Не понимаю, сына, зачем тебе этот фестиваль. Ничего путного из этого не выйдет.
- Отец… – Марьяна примирительно положила руку на плечо мужа. – Пусть мальчик съездит.
- Нет у нас денег на это!
- Я на Элькин грант еду, батя…
- С чего это? С чего ты на ее грант вдруг едешь? Пусть сама на него едет! А откуда у нее грант?
- Она в прошлом году Гран-при получила на фестивале, и ей дали грант…
- И ты в это веришь? Да врет она все! А с собой что, денег не надо тебе? А на билет? Тоже грант? Билеты, знаешь, сколько туда стоят! Куда ехать-то надо? В Прибалтику, что ли?
- Да, в Юрмалу.
- Да что там делать! Бездари там одни…
- Отец, отец… – Марьяна погладила мужа по большой руке. – Мальчику интересно.
- А ему интересно, откуда отец деньги ему на билет возьмет?
- У меня зарплата через неделю…
- А жить мы на что будем? Сколько билеты стоят? Два месяца потом голодать?
- Элька сказала, у них есть баллы, они много путешеств… – Митя осекся под гневным взглядом отца.
- Кто? Что? Какие баллы? Что ты мелешь? Что такое баллы? Они что, экзамены сдают? Не понимаю! И что ты мне в глаза тычешь – «Элька, Элька…»! Что за собачье имя? Как ее полностью зовут? Да не хочу я знать, как ее зовут, видел я ее в музыкальной школе! Лохмы распустила, задницей вихляет, обтянула – что там обтягивать-то… Элька… Чтобы я больше не слышал этого! Говоришь, как будто о своем лучшем друге…
- Батя… – Митя пытался остановить разошедшегося отца.
- Тот в ярости разлил чай по всей kleenке, собирая его машинально рукой, потом бросил в лужицу полотенце. Митя осторожно достал полотенце, встал, отжал его в раковину, с опаской поглядывая на отца. Сейчас лучше делать как можно меньше лишних движений и не говорить лишних слов…
- Отец, да и правда, не заводись, ничего такого нет. Не хочешь, никуда он не поедет, да, Митюша? Сядь, сынок, я все уберу…
- Я – не хочу? Я не хочу, чтобы мой сын ехал в Европу? Да я все для него сделаю, чтобы у него все было! Только надо знать, куда и с кем ехать!
- Ну тут вроде бесплатно он едет, Филиппушка… – улыбнулась Марьяна. – Не каждый день такая удача. Куда мы его летом отправим? А так все-таки мальчик Европу повидает…
- Европу… Да главное, зачем все это? А репетировать когда он будет? Заниматься на виолончели?
- Целое лето еще впереди, батя… – тихо вставил свое слово Митя. – И потом, я же играть буду, все равно это полезно, не свою программу, конечно, но…
- Слыши, Митяй, а не обидно тебе девочонке какой-то подыгрывать?
- Почему подыгрывать, батя? У меня там довольно сложная партия… А во втором номере у меня вообще соло…
- Ну, не знаю… – Филипп откинулся на спинку кухонного диванчика и забросил руки за голову, взъерошив свои длинные седые волосы. – Рано поседеешь… – Он погладил сына по голове, легко дотянувшись до него через стол огромной рукой.
- Филипп… – Марьяна взглянула на мужа и продолжать не стала.

– Поседеешь! – Филипп с любовью смотрел на сына. – Я поседел, и ты поседеешь. Ты весь в меня. Копия. Все, как у меня будет.

– Удачи только, может, чуть больше! – аккуратно вставила свое слово Марьяна.

– Если с бабами не закрутится раньше времени. Я вот в каком возрасте женился, ты помнишь?

– В сорок два, – проговорил Митя, с трудом дожевывая суховатую кашу.

– Вот, значит, и тебе такой срок, не раньше. Ешь-ешь! Вся сила в пшене! – Отец пододвинул к мальчику кастрюлю с кашей. – Клади еще!

– Я – всё, батя.

– Нет, ты еще не наелся, ешь! – Филипп зачерпнул большой половник каши и положил Мите. – Ешь, сказал! Где силы брать мужику, если не в еде?

– Мяса бы купить... – вздохнула жена.

– Вот сейчас заказ получу, все у нас будет... Если опять не подставят, как в прошлом году. Не звонят что-то. Сам не хочу звонить, у меня гордость есть. – Филипп похлопал сына по плечу. – Вот молодец, ешь-ешь! Отец сказал – сын сделал!

– Не могу больше, батя, обратно лезет...

– А ты ее сверху трамбуй, сверху! – засмеялся отец. – Еще бери...

– Филипп, мальчик с таким трудом похудел, может, не надо...

– А с чего он худеть надумал? Чем ему живот мешал? – Филипп потрепал сына по щеке. – Что это за вид? Щеки худые... Сидеть за виолончелью можно и с животом. Живот – это жизнь, ты не знал?

– Знал, батя.

– Вот. Так что я своего живота не стесняюсь, это естественно и хорошо. Вон у меня какой живот! Живот – это что?

– Жизнь, – проговорил Митя с набитым ртом.

– Ешь, осталось еще полтарелки. Пока не съешь, играть не пойдешь. А играть тебе сегодня четыре часа. Вчера играл два. А мы играем по три часа в день. Это покуда учебный год не окончился. Летом по пять будешь играть. Я – сказал.

Митя кивнул.

– Давай, жена, чаю. Убери это! – Филипп легким щелчком вышиб из рук Мити кусочек хлеба, который тот машинально крутил, слепя из мякиша за минуту изящную фигурку. – Что это за урод? – Филипп поднял фигурку, покрутил, прищурясь, бросил на стол и одним движением кулака размял ее в лепешку. – И так будет со всем, что ты слепишь. Не получается у тебя лепить, сынок, понимаешь? Не твое это. Просыпаешься утром – на полочку посмотрел, на уродцев, которых ты налепил в прошлом году, – специально не выбрасываю, чтобы сына мой каждое утро вспоминал: «Я – бездарен!»

Марьяна молча обернулась на мужа, но ничего не сказала.

– Что ты на меня смотришь?! – тем не менее взвился Филипп. – Что? Бездарен он как скульптор... Да и вообще – какой скульптор! Что за слово? С чего это Митрофан наш – и скульптор? Руки у него шаловливые! Бью-бью, никак не отобью!

– А что такого, – Митя понимал, что сейчас совсем не время говорить об этом, но он так давно хотел у отца спросить, – если у меня... просто хобби такое будет... бать, а? Просто хобби...

– Хобби?! – заорал Филипп, и на лбу у него мгновенно вспухли неровные вены.

– Отец, отец... – заторопилась Марьяна. – Успокойся, тебе нельзя так волноваться...

Митя, ну зачем ты...

– Хобби он захотел! Слово-то какое нашел! Смотрите-ка на него! Выполз змейкой, гаденыш, придумал! Да сдохло твое искусство! Нет никакого искусства у нас в стране, понимаешь! Никому ничего не нужно! Бабки только нужны! Есть бабло – нет бабла – вот тебе и все искус-

ство. Лепи не лепи! Тем более что у тебя – ни-че-го не получается, ты понял? Ничего! Твое дело – виолончель! Слишком ты поздно это понял, профукал столько лет в музыкальной школе, пропрындел, но – мы – наверстаем! Всё, с сегодняшнего дня – по четыре часа! Не дожидаясь лета! А летом – по семь!!!

– Филипп… Батя… – одновременно ахнули жена и сын.

– Я – сказал! Пока – по четыре!!! Потом по семь!!! Буду сидеть рядом с тобой! Моцарта отец привязывал к табуретке! И что из него получилось? А?! Не слышу ответа! – Филипп резко повернулся к себе лицом мальчика. – Ответа не слышу!!! Что из него получилось?

– Моцарт получил…

– Во-от!!! Из тебя тоже получится гений! Я все для этого сделаю! Рядом все четыре часа будут сидеть! Не встанешь у меня со стула!

– Хорошо, – проговорил Митя, глотая горький чай. – Мам, а сахар можно?

– Сахар? – засмеялся Филипп. – Какой такой сахар? Ты пока не заслужил сахар. Я сказал – оценки когда выставляют в году, алгебра, геометрия, физика – пятерки, тогда и будет тебе сахар. Мужику нужны точные науки!

– Зачем только… – тихо проговорила Марьяна.

– Жена! – Филипп с треском хлопнул ее по спине, в крохотной кухне ему дотянуться было нетрудно. – Что нужно мужику – бабе не понять, ясно? Допил, сын? Иди в комнату. Приду тебя пороть.

Митя отставил чашку и попытался встать.

– Ты не допил чай, зло оставил, – усмехнулся Филипп, заглядывая к тому в чашку. – Кому ты зло оставил? Допивай.

Митя допил чай и ткнулся головой в плечо отца.

– Вот так, – удовлетворенно сказал отец.

Когда Митя ушел в свою комнатку, Марьяна быстро сказала:

– Ты уверен с поркой? Может, без меня? Я пойду в магазин скоро…

– А ты из кухни не выходи. – Филипп крепко обнял жену. – Я – уверен во всем. Слушай меня, жена. Ремень мне дай.

Марьяна протянула мужу два ремня, висящих на гвозде рядом с кухонным полотенцем.

– Этот лучше, шире. – Филипп оттянул один ремень рукой. – Тот повесь обратно. Так отхожу сейчас парня – перехочет ехать с этой… Вот увидишь. Забудет все. Запрещать не стану. Сам не захочет.

– Филипп… – Марьяна опустила голову.

– Что? – Филипп резко поднял ее голову обеими руками. – Что?

– Нет, ничего. Не перестарайся, как в прошлый раз.

– Нормально! Отошел же тогда! Мужику полезно! Пусть умеет терпеть боль! А в армию как он пойдет? Пусть терпит! В огне пусть закалется, спасибо потом мне скажет. Сиди здесь, не выходи. Люблю тебя, такой, как ты, больше нет. – Филипп с силой прижал к себе жену и вышел большими валльяжными шагами из кухни.

– Да, да… – прошептала Марьяна и прикрыла дверь на кухню. Наверно, муж прав. Прав во всем. Он – сильный. Он перенес все свои несчастья, не сломался, не запил вчерную. Другие бы не смогли. А он – смог. И пить бросил совсем…

Она услышала вскрик сына и плотно прикрыла дверь. Пусть бьет. Плохого от этого не будет. По крайней мере, сын научится превозмогать боль, это правда. Ведь жизнь – это боль и лишения. А она ему к окончанию десятого класса скопила немного денег. Даст потихоньку от мужа. Мальчик сможет себе что-нибудь купить, наушники или новые кроссовки, он хотел какие-то кроссовки, которые в темноте светятся, сами едут по тротуару…

Марьяна пустила воду, чтобы не слышать вскрики сына. Еще хуже будет, когда он не сдерживает крик, Филипп расходится и может избить его слишком сильно, так уже не раз бывало.

Ведь его цель – не просто выпороть сына, а чтобы тот научился терпеть. И вмешаться нельзя. Однажды Марьяна попробовала войти во время порки, душа не выдержала, но ей досталось не меньше Митрофана, а сына потом пришлось откачивать, осерчал Филипп – не вовремя она под руку полезла, с жалостью своей. Но она твердо верила – муж это делает, потому что знает, что нужно сыну. Она этого понять не может. Она – женщина. Она другая, она слабая. Муж хочет, чтобы сын был сильный, поэтому бьет его. А их сын не очень сильный, таким уж родился. И баловали, наверно, в первые годы, поздний ребенок, первый, единственный, любимый… Вот он и стал расти слабоватым. Вовремя муж за него взялся. Муж – это ее опора. Она с ним все перенесет. Любые лишения, любую бедность. Лишь бы он был с ней. Большой, сильный, красивый, талантливый, уверенный в себе…

– Я тебя бью, потому что люблю, – приговаривал Филипп, отхаживая сына. – Понятно? Не слышу ответа.

– Да, батя, – сквозь стиснутые зубы проговорил Митя, обеими руками держась за стол.

– Счастлив должен быть, что тебя учат жизни. Я все тебе отдаю. Все в тебя вкладываю, что у меня есть. Одну слезу увижу – отдошаю до потери сознания! Ну-ка, повернись!

Митя с трудом повернул к отцу голову.

– Нет слез, батя…

– Вот и терпи! – Филипп занес ремень, Митя сжался. – Что ты скучожился? С радостью принимай! Это – любовь! Это – любовь! Любовь!!!

Филипп бил и бил сына, сам уже тяжело дыша. Только когда он увидел, что спина мальчика побагровела, и у того стали подгибаться колени, он нехотя остановился.

– Хватит на сегодня… Иди ко мне… – Он сгреб сына в охапку и прижал к груди. – Я тебя люблю, понял? Больше никто тебя не любит. Еще мать. Но она – женщина. Она не может так любить. Женщины вообще не умеют любить. Только я тебя люблю. Ты – это я, а я – это ты.

– Да… – выдавил из себя Митя, прячась в больших объятиях отца. – Да, батя…

Так больно и так сладко потом, когда отец перестает его бить и обнимает… Стыдно… Хорошо, что никто никогда этого не узнает… И так спокойно… Это правда, никто его не любит, кроме отца.

– Что, поедешь с ней?

– Нет, батя… Нет…

– Никуда ты от меня не уедешь… Не надо тебе это… Будем вместе… Только так всего добиться можно. Я тебе скажу, что делать. Только я. – Филипп оттолкнул от себя сына. – Все, хватит, разнюнился опять. Ну-ка, вставай, не допорол тебя, видно. Это что еще за нюни?

– Нет…

– Что – «нет»? Я вижу – не хватило тебе сегодня… – Филипп замахнулся и стал снова бить сына, попадая по плечам, по груди, по побуревшей спине. Тот пытался закрываться, уворачиваться, но Филипп заорал: – Стой ровно! И принимай все с благодарностью! Ни у кого такого нет! Никто такой школы… не проходит… плечо уже у меня устало… болит… но я тебя сегодня до нужной кондиции… доведу… забудешь у меня… как нюниться… И состриги… уже лохмы… свои, а то… как… девчонка совсем! Стой… терпи… принимай с благодарностью… любишь… меня? Не слышу…

– Люблю, батя…

– Вот, это… и есть… любовь… А не то, что ты думаешь… Когда больно… и хорошо… Стой ровно! Ты только мой и больше ничей, понятно? Как скажу, так и будет… так и будет… так и будет…

Глава 6

Эля издалека заметила высокую фигуру Мити. Он тоже заметил девочку, приостановился, хотел было побыстрее свернуть на лестницу, но передумал и все-таки пошел навстречу, пряча глаза и смотря что-то в телефоне.

– Привет, – остановила его Эля. – Ты что?

– Что? – Митя упорно не поднимал на нее глаза.

– Мить… – Эля дождалась, когда мальчик все-таки поднимет глаза. – Сегодня в пять репетиция.

– Я… Я, наверно, не смогу.

– А что у тебя? – вздохнула Эля.

– У меня… я занят… у меня дополнительные… физика…

– Сегодня у всех пять уроков, Мить, в школе проверка, всех домой отправляют.

– Эля… ну просто… мне домой надо, заниматься.

– Ясно. Ты поедешь на фестиваль?

Мальчик помолчал.

– Нет.

– Почему? Митя, почему? У нас такой отличный номер получается! Ну, что такое?

– Прости… – Митя попытался обойти девочку.

– Нет, уж ты скажи. Столько репетировали, пробовали разные вещи, нашли, наконец, все почти уже сделали… Что такое?

– Эля… Я…

– Ясно! Ничего не хочу слышать. Приходи на репетицию, и все тут. Твоя Нина Георгиевна, кстати, тоже придет в пять. Послушать, что получается.

– Хорошо, – кивнул Митя. – Если мой учитель скажет, что это плохо, я играть не буду.

– Не скажет. Это хорошо.

– Я послушаю, что скажет учитель.

Эля снова вздохнула. Ну что с ним сделаешь? Откуда в нем это? И ведь, кажется, он искренне это говорит. Писал бы сейчас, а не устно говорил, то написал бы еще и с большой буквы – «Учитель». Это не подобострастие, это искреннее уважение. И странное неверие в себя. Он вообще странный. Но не в плохом смысле. Он так не похож на других мальчиков… Наверно, этим он ей и нравится. Не одной внешностью же!

– Почему у тебя синяки под глазами?

Мимо них бежали Кисель с Дудой. Дуда, еще издали заметив Элю с Митеем, пихнул того в спину. Митя поморщился от сильной боли и инстинктивно схватился за спину. Попал, гад, по самому большому синяку, как знал…

– Элька, ну как, не протухла на кинишко? – подмигнул ей Дуда, резко затормозив и обернувшись. – Го сегодня?

Эля ничего не стала отвечать, лишь отмахнулась.

– Я не втупи-ил… – завелся было Дуда. – Ты ч, меня отшила?

– Когда втупишь, приходи, поговорим! – засмеялась Элька и показала язык Дуде.

Тот толкнул плечом Киселя, и они покатились дальше по коридору, шутливо пихаясь и стучая друг друга огромными сумками.

– Что у тебя со спиной? – спросила она Митю.

– Ничего, потянул просто.

– Качался?

– Вроде того, – кивнул Митя. – Можно и так сказать. Силу воли вырабатывал. Ладно, я приду. В пять?

– Давай вместе пойдем. Нам же в музыкалку по пути.

– Нет, извини. Мне надо...

– Хорошо, – быстро перебила его Эля. – Как знаешь.

Митя взглянул на Элю. Он обещал бате. Он обещал, и он обещание свое сдержит. Просто батя не понимает, как это трудно. Когда смотришь на эти нежные губы, на золотые прядки волос, выбивающиеся из небрежно схваченного сзади хвоста, на чистую гладкую кожу, ровные дуги каштановых бровей, то забываешь все обещания, данные бате. А уж если не успеешь отвести взгляд и попадешь в плен Элькиных глаз – светящихся, влекущих, таких доброжелательных, таких прекрасных...

– Мить, Мить... – подхватила под руку мальчика Тося, давно наблюдавшая за их разговором. – А вот у меня тут геометрия не получается. Нарисовать не могу такую штучку... Забыла, как называется... Парабеллум или как его... – Тося хихикнула и заправила за уши зеленые и антрацитово-черные прядки волос, неровно остриженные по последней моде. – Ты мне обещал помочь...

– Я? – удивился Митя, пытаясь снять Тосину руку. Она хорошая девочка, конечно, и помогать людям нужно, но зачем так хватать его за руки?

Эля уже этого не слышала, она быстро ушла прочь, как только подошла Тося. Неприятная, разболтанная девчонка, то на одного виснет, то на другого. Вчера Эля видела, как та взобралась верхом на Киселя и так ездила по этажу. Юбка вся задралась, мальчики смеются, она довольна, привлекла всеобщее внимание, Кисель весь красный, вспотел от волнения, она его ногами понукает... Митя этого не видел, наверно, а если и видел, он как-то по-своему все понимает.

Может, и зря они это затеяли с фестивалем? Номер, конечно, можно и без виолончели показать, но ей без Мити ехать неинтересно. Ну, получит она еще одну грамоту, займет какое-то место, скорее всего первое. Она уже привыкла к этому. Ее необычный тембр всегда выгодно звучит даже рядом со взрослыми голосами. Все равно для нее вокал – не главное. Она будет делать в жизни что-то другое, она точно знает. Что-то более реальное. Что-то, от чего будет польза. Ведь наверняка не случайно ее отец ушел из театра, где у него открывались такие перспективы. Его считали одним из лучших молодых баритонов России. А он ушел и не жалеет никаких, это скрыть невозможно, особенно в их семье. Значит, все правильно сделал.

Да и не в отце дело. Петь – хорошо, приятно. Но ей хочется еще чего-то. Пока не очень понятно – чего именно. С родителями она из принципа работать вместе не станет. Может быть, будет заниматься наукой. Прикладной какой-нибудь. Нанотехнологиями, к примеру. Транспортом лекарств, чем-то на стыке биологии, физики, медицины... А может быть, она станет прокурором, закончит юридический. Или дипломатом. Не женой дипломата, а дипломатом. Никому так не удается гасить конфликты, мирить друзей, находить компромиссы. Ей часто говорят друзья: «Тебе бы дипломатом быть...»

А заботиться о том, не болит ли с утра горло, не отек ли нос от жары, нет ли аллергии, бояться пить холодное, промочить ноги, всегда заматывать шарфами, не плавать в ледяном озере, прятаться под зонтиками от малейшего дождя – нет, это не по ней. Она и так здоровая, но пение диктует совсем иной режим, ей это не подходит. Так, для себя, для удовольствия разве что... Особенно ей нравится работать с другими музыкантами, как вот сейчас с Митеем... особенно с Митеем... Конечно, он не самый сильный виолончелист в музыкальной школе... да разве в этом дело...

Эля училась с Митеем в одной школе с первого класса, как выяснилось. И не замечала его. Не видела до девятого класса. В начале этого учебного года она обратила внимание на мальчика, который неожиданно покрасил свои явно темные по природе волосы в ярко-желтый цвет. Даже рассказала дома.

– Может, снимается где? – предположила тогда Лариса. – Бывает же, для роли красятся.

– Да не похоже... – пожала плечами Эля. – Знали бы все, если бы снимался. Только об этом бы и говорили.

– А зачем тогда?

– Не знаю... Он вообще странный какой-то, никогда не обратила бы на него внимания, если бы не покрасился.

Волосы у Мити быстро отросли, и он состриг крашеные пряди. Эля как-то и забыла о нем. Но напомнила ей и остальным Наталья Петровна.

Где-то с середины зимы Наталья Петровна стала говорить им о талантливом мальчике, который окончил прошлый год на тройки, в этом году начал с четверок, а к зимним каникулам неожиданно подтянулся почти до пятерки по алгебре и геометрии.

– Бубенцов... Бубенцов... – с восторгом повторяла Наталья Петровна. – Ну какая же умничка... Бубенцов! Вот сел и... всем доказал! Бубенцов!

И Эля почему-то представляла себе кудрявого, веснушчатого, смешливого мальчика. Но только не этого странного крашеного чудика.

Потом, когда они уже познакомились с Митеем, она как-то спросила его:

– А зачем ты покрасился?

– Меня тетя покрасила... Краску пробовала на мне... – смущенно объяснил Митя.

– Ерунда какая-то...

– Да, батя так ругался, заставлял наголо обриться... Еле уговорил его не брить меня...

Эля стала смеяться, представляя Митю обритым наголо, но мальчик неожиданно так посмотрел на нее, что она осеклась.

– Ну и потом, я себе не нравлюсь... – продолжил Митя. – Хотел, наверно, как-то поменяться...

– Как не нравишься? – ахнула Эля, удивленная тем, что Митя так откровенно говорит о своей нелюбви к самому себе.

– Не нравлюсь... Не таким бы я хотел быть...

– А каким?

– Не знаю. Но не таким. У меня волосы темные...

– Хорошие, каштановые волосы у тебя, – пожала плечами Эля. Удивительно, мальчики, оказывается, тоже о таком думают.

– Глаза тоже карие...

– А какими они должны быть?

– Не знаю, светлыми...

– Это ген какой-то арийский тебе покоя не дает. Один маленький глупый и настойчивый ген против ста тысяч других. Перебороть их не может, а настроение тебе портит.

– Почему арийский? – удивился Митя.

– Ну, славяно-балтийский, хорошо. Ты в душе – сероглазый блондин. Да?

– Ну да, я же в детстве был светлым, начал резко темнеть только лет с десяти... Сейчас подхожу к зеркалу, а там – я...

– Так ты женщинам нравишься такой, как есть! – засмеялась Эля.

– Нравлюсь... – недоверчиво хмыкнул Митя. – Ты же меня не помнишь?

– Не помню. Увидела, только когда покрасился. А так не замечала.

– У нас физкультура в прошлом году была вместе, ты не помнишь?

– Физкультура? – ахнула Эля. – Да, точно, с девятым «В»... Нет, не помню. То есть всех помню, а тебя – нет.

– Ну вот видишь. А я тебя помню.

– Но кстати... Ты играл когда-нибудь в школе на виолончели?

– А что? – спросил Митя и тут же покраснел.

– Играл, ясно, – вздохнула Эля. – Значит, это был ты. В четвертом или третьем классе.

Маленький Митя, со спадающими на лоб светло-каштановыми тогда еще волосами, вышел на сцену, вытащил тяжелую виолончель, поклонился, ему похлопали, сел, начал играть, остановился, сидел-сидел, пока зрители в зале не начали переговариваться, потом кто-то захлопал, засмеялся, он встал, неловко поклонился – положено же, всегда кланяются классические музыканты, и до, и после выступления! – и потащил свою виолончель обратно со сцены. А ему всё хлопали и хлопали взрослые, а дети смеялись.

Эля помнила, как ей жалко было мальчика, ей казалось, что такого позора она бы не перенесла. В музыкальной школе, в которой они, оказывается, учились параллельно в течение семи лет, она его не видела никогда. Как такое могло быть, Эля не понимала. Смотрела мимо. Не останавливались на нем глаза.

К весне этого года Митя уже состриг все крашеные волосы, которые ему так не шли, у него быстро росли его мягкие каштановые кудри – легкие, не круто закрученные, приятные, шелковистые.

К Женскому дню Эля готовила номер с мальчиком Гошой, на год младше, который занимался в детской вокальной студии «Арпеджио», известной на всю страну. Ей хотелось спеть дуэтом про весну, про любовь, она нашла симпатичную песню, учila ее, вспоминая Валерия Игнатенко, хорошенького аспиранта Академии имени Гнесиных, который в прошлом году проходил практику в музыкальной школе и который ей так нравился – издалека, она с ним даже толком вживую и не разговаривала. Ему двадцать семь, ей четырнадцать – о чем говорить… О том, что скоро и ей будет восемнадцать, и тогда они смогут встречаться, а сейчас лишь переглядываться и переписываться Вконтакте, смущая друг друга несбыточными пока желаниями? Несбыточными, а для Эли так просто преждевременными. Но желания рождаются в той части тебя, которая не понимает, что прилично, а что – нет, что еще рано, а что может привести тебя в плен, в полную зависимость, которая определит твою судьбу, изменит ее, а то и сломает… Эля с Валерой встречаться не стала – он пару раз предлагал, во времяочных разговоров Вконтакте. Странные они, эти разговоры, когда не видишь собеседника, хотя бы не слышишь голос. «Да», «Почему?», «Наверно, нет» – можно прочитать совсем по-разному. Как захочешь, как и прочтешь.

После тех переписок Эля для себя решила – ей это не подходит. Те юноши, кто уже вошел во взрослую жизнь, ей пока не товарищи. Решила сама, ничего не рассказывая матери. Лариса обязательно поделилась бы с отцом, ее родители – образцовая пара, друг от друга секретов нет, поэтому ей приходится решать многое самой. Они бы очень удивились, узнав, что Эля часто чувствует себя одинокой в их благополучной и дружной семье. А как не чувствовать? Если они – вместе. А она – одна.

Песня, которую Эля нашла, очень соответствовала ее настроению этой весной. Что-то несбыточное, что прошло мимо, тревожное и радостное ожидание новых, неизведанных, волнующих чувств… Сложная мелодия на два голоса. Нужен второй, хороший, уверенный мальчишеский голос, после мутации, который может спеть и верхние, дискантные ноты и иметь плотные, уже мужские низы.

Хорошенький улыбчивый Гоша учил-учил песню, да так и не выучил. Слов не знал, мелодию перевирал, партию свою не держал.

– Фу ты, Гоша… Только зря я на тебя столько времени потратила!

– Не зря, я выучу…

– Когда, Гоша? Времени – четыре дня до концерта осталось!

– М-м-м… – заныл Гоша. – Ну вот, какая ты…

– Не ной, ты что! Слушайте, ну вы вообще не мальчики, а я не знаю что…

– Эль, сложная мелодия, сразу не выучишь…

– Как же вы выступаете на концертах? – удивилась Эля. – Я видела афишу – у вас этой зимой были концерты в таких роскошных залах… Билеты продавались везде, реклама по телевизору, в сети…

– Так мы же поем под хороший плюс! – искренне ответил Гоша.

– В смысле?

– Да как! Кто же будет рисковать петь живым голосом? – наивно объяснил мальчик.

– Как это? А какой смысл в таком пении?

– Ты не понимаешь, – начал рассказывать Гоша. – Мы записываем в студии, много раз, потом режут, делают хорошую фонограмму, те, кто петь не умеют, не записываются…

– А они потом на сцену выходят, те, кто петь не умеют? – засмеялась Эля.

– Конечно, выходят!

– А делают что?

– Подпевают, танцуют… Микрофон же выключен! Ну что ты привязалась! Все так поют!

– Не думаю, – покачала головой Эля. – Не думаю, что все поют под хорошо сделанную фонограмму, чужую причем… Ладно, Гоша, проехали! Вот почему ты песню выучить не можешь и голос не держишь!

– Все я могу, – обиделся Гоша. – Не хочу только. И времени у меня не было. У нас столько выступлений за этот месяц. И репетиции каждый день.

– Хорошо, свободен! – кивнула Эля.

– Тебе сколько билетов принести на наш концерт? У меня есть штук пятнадцать…

– Нисколько.

– Потом сфотографироваться можно с гостями. Звезды будут… Всего тридцать евро фотография, поставишь Вконтакте…

– Свободен.

Разобиженный Гоша поплелся на урок, а Эля подошла к Елизавете Константиновне, энергичной учительнице, ответственной за концерт, и предупредила ее:

– Мне придется песню поменять. Я другое спою, сольно, дуэта не будет, Гоша песню не выучил.

– Да ничего подобного! – всплеснула руками Елизавета. – Как это поменять? На что? Мы уже ее в сценарий вплели, песня уж больно такая… весенняя… Слушай, а я тебе сейчас Бубенцова приведу… Он ведь тоже поет, ты не слышала его на вечере романса? Иван Селиверстович делал концерт. Миленько так было, душевненько…

– Нет, я не люблю романсы, – пожала плечами Эля.

– Ладно! Не в романсах дело…

– И Ивана Селиверстовича не люблю. От него пахнет мышами.

– Теплакова!..

Элька вздохнула. Если бы только мышами…

– Бубенцов – это математик из десятого класса? – спросила она.

– Математик? – удивилась Елизавета. – Не знаю. Он у меня в группе по английскому, очень хорошо учится, старается в этом году. Я думала, он больше гуманитарий… Не важно. Сейчас я тебе его приведу.

Елизавета сходила куда-то и через пять минут привела в зал взлохмаченного, симпатичного, смущенного мальчика, с немного грустными и одновременно внимательными карими глазами.

– Это – Бубенцов? – крайне удивилась Эля. – Ты – Бубенцов?

– Ну да. А что?

– Я тебя не так себе представляла… Нам столько про тебя Наталья Петровна рассказывала…

— Так, Теплакова, вот тебе партнер, и чтобы дуэт был. Не будет она петь! Да мы весь сценарий концерта на твоей песне завязали. Слова там у тебя такие... «Пойдем в переулках весны...» Чудо! Мы же уже переулки нарисовали даже! Виртуальные! По ним и остальные бегать будут! И матросы у нас есть, танец такой, и посвящение любимому учителю — тоже в переулочке выходит ансамбль, а навстречу — любимая классная... Такое оформление придумали... Закачаешься! Давай, учи. Вот тебе Бубенцов, от прощен с двух уроков. Он весь твой. — Елизавета подмигнула Эле. — Тебя тоже сейчас отпрошу. А ты, орел, старайся, ясно? А то двойку по английскому поставлю. Чтобы песню мне к завтрашнему дню знал. О'кей?

— О'кей, — растерянно кивнул мальчик.

Елизавета ушла, они с Бубенцовым остались одни в большом актовом зале. Эля с большим сомнением напела песню.

— Попробуешь? — спросила она Бубенцова.

— Давай, попробую, — улыбнулся он.

Так искренне, так светло улыбнулся, Эля внимательнее посмотрела на него.

— Ну, давай, подпевай.

Мальчик пел хорошо, немного неуверенно, но легко подстраивался к Эле.

— Слух у тебя отличный, — похвалила она его. — И тембр красивый.

— У тебя тоже.

— Да у меня — понятно! — засмеялась Эля.

— Певицей хочешь быть?

— Нет, конечно. А ты — кем?

— Я... — Митя замялся.

Рассказать ей? Или не надо... С чего бы ему с ходу откровенничать с этой красивой девочкой, которая поет на всех концертах, отлично учится, всегда выступает в школе, в музыкальке, ее песни крутят на огромном школьном экране на первом этаже, он ее не раз видел на окружных концертах. Префект ее обнимал, представлял, как надежду округа, что она прославит когда-нибудь эти места... Но главное — она такая красивая, что даже не хочется ни о чем больше думать. Язык сам что-то произносит, может быть, то, что говорить не нужно... Митя толком не понимал, что говорит. Она слушает внимательно, так смотрит, как будто залезает ему в душу, и ему никак не закрыться, а закрыться — нужно... Батя ведь предупреждал его о женщинах... Закрутят — сам не заметит. Очнется — будет поздно. Вот и сейчас он, кажется, потерялся в ее светящихся глазах, забыл, о чем начал говорить...

— Мить, Мить... — с мягким смехом прервала его Эля. — Не успеем ничего. О профессиях потом поговорим. Нам нужно понять, споем ли мы дуэтом. Еще раз пробуем.

Вот, значит, ей вовсе не интересно. А для него это самое главное. Он хочет быть скульптором. Но он не должен быть скульптором, потому что он бездарен. И потому что искусство умерло. Никому скульпторы не нужны. Поэтому он будет великим виолончелистом, таким же великим, как Мстислав Ростропович или, на худой конец, Пабло Казальс.

Через час репетиции Митя уже отлично пел свою партию, почти не ошибаясь и тут же поправляясь, слушая все замечания Эли.

— Трудно поверить, что ты никогда не занимался пением.

— Не занимался.

— А на хор в музыкальной школе ты ходил?

— Прогуливал... — признался Митя. — Убегал, играл в футбол за музыкальной школой.

— О! Мой папа тоже прогуливал хор, когда его отдали в музыкальную школу. А потом окончил консерваторию и стал певцом.

— Твой папа — певец? Где он поет?

— Теперь только дома и для друзей. Он же больше не работает в театре.

— А кто он?

Эля внимательно посмотрела на Митя. Вот интересно. Она думала, что вся школа знает, кто ее отец. Все магазины в округе продают их хлеб. У них столько булочек, рогаликов, бубликов, сушек, печенья, всяческой кондитерской продукции, ну и, главное, их последняя фишкa – старорусский хлеб, который столько рекламировали по телевизору, и ведь кто именно его ел, сидя на резной лавке в сказочно красивых палатах! Один из самых известных и скандальных политиков России. Ел, причмокивал, всем советовал есть, рекомендовал покупать и любить все только русское, самое русское, самое-самое русское! Никогда бы родители не оплатили такую рекламу – тридцать восемь секунд эфирного времени на центральных каналах, – политик платил за нее сам. Уж больно красивая, выразительная получилась реклама – и самому политику, и модной национальной идеи, и их хлебу. Федор очень сомневался: «Убого – рекламировать то, что заложено в самой сути человека! Ну что такое – модно быть русским и любить все русское!» Но Лариса уговорила его, и вышло забавно, привлекательно и вовсе не стыдно.

Так что вся школа знала, что у Теплаковых – знаменитая, процветающая хлебная мануфактура, находящаяся к тому же в их собственном районе, в десяти минутах езды на городском транспорте от их школы. Сколько туда детей возили, сколько отец устраивал бесплатных дегустаций… Как можно об этом не знать, учясь в их школе?

- А кто твой отец? – повторил Митя. – Если не певец, то кто? Режиссер?
- Папа? Да нет… Он… – Эля улыбнулась. – Он капиталист.
- А… – немного растерялся Митя. – В смысле – капиталист?
- В смысле – « заводы, дома и пароходы»! – засмеялась Эля.
- Вы – богатые?
- Ну да.
- Очень богатые?
- Очень! – опять засмеялась Эля.
- А почему ты в нашей школе учишься?
- А где мне учиться?
- Ну, я не знаю. В частной закрытой школе какой-нибудь. Или за границей.
- Я в этой школе с первого класса учусь.
- А ты без охраны ходишь?
- Пока – да.
- А у вас есть свой самолет?
- Самолет? Нет.
- А яхта?
- Яхта – есть. Вернее, катер. А что?
- Нет, ничего. – Митя вздохнул. – Ладно. Странно. Я не думал, что у нас в школе дети капиталистов учатся.
- Митя, прекрати! Я ведь пошутила! У меня хорошая обычная семья. Мама была учительницей когда-то…
- А сейчас она – кто? Жена олигарха?
- Мы не олигархи, Митя.
- Так что делает твой отец?
- Мой отец? Печет хлеб.
- В смысле?
- В смысле – печет хлеб. Что тут непонятного? – пожала плечами Эля. – У нас хлебная мануфактура. А мама – ее директор.
- Ничего себе…
- А твой отец?
- Мой? – Митя гордо улыбнулся. – Мой батя – очень талантливый скульптор.

– Да? – теперь уже удивилась Эля. – Здорово… А… где можно посмотреть его работы? У него бывают выставки?

– Я… я тебе потом расскажу. Давай петь, хорошо?

– Хорошо.

Эля включила музыку, и тут в зал заглянул Дуда. Увидев Элю с Митеем вдвоем, он пощерил пальцами губы, издав смешной звук. Ему показалось это недостаточным, он забежал в зал, пронесясь мимо Мити, толкнул его, проскасал по стульям, стоявшим рядами, и крикнул Эле:

– Я тебе напишу!

– Буду ждать, Дуда! – иронически ответила Эля.

– Ты с ним переписываешься? – спросил Митя.

– Не больше, чем со всеми остальными, – пожала плечами Эля. – С ним не о чем говорить.

Просто он… Очень любвеобильный мальчик. И привык, что все по первому зову с ним бегут.

А я не побежала. Вот он сам кругами около меня и бегает теперь. Все сужая и сужая круги…

При этом у него вроде как есть другая девушка, но это ему не мешает.

– Ты красиво говоришь… Читаешь книги?

– Читаю. А ты?

– Я – тоже.

– Это редкость. У нас в классе человека четыре читают, не больше. Остальные только краткое содержание смотрят и скачивают сочинения.

– Да, у нас тоже. Мы только что пробный допуск по литературе писали, так десять человек вообще пустые листы сдали, не знали, что писать, ни одного слова не написали.

– Смешно…

– И грустно, – кивнул Митя.

Удивительный мальчик – подумала тогда Эля. Не похож ни на кого.

Глава 7

– Ну, что, балбес, сидишь, ковыряешься опять в мусоре этом? – незаметно подошедший сзади Филипп взял большой рукой Митю за затылок и несколько раз пихнул его голову, так, что мальчик стукнулся носом об стол. – Что там пишут? Прочитай бате.

– Батя… Ну, мне нужно тут…

Как такой крупный, полный человек умеет тихо открывать дверь и мягкими шагами подходить к Мите? Или просто виртуальный мир так затягивает, что перестаешь слышать звуки реального мира?

– Ну-ка, ну-ка, не закрывай, мне интересно… «Чтобы быть добрым к людям, надо быть всегда искренним и открытым…» – Филипп резко повернул к себе крутящийся стульчик, на котором сидел Митя, и сильно сжал мясистыми коленями ноги сына. – Ты что, со мной об этом не можешь поговорить? Считаешь, что они там… – он ткнул пальцем в экран компьютера, – умнее, чем я?

– Нет, батя… но… – Митя попытался высвободиться, но отец еще сильнее сжал его ноги.

– Ты сколько сегодня занимался?

– Два часа сорок минут.

– Врешь… Я засек – и двух часов еще не играл. Что б ты делал без меня! Пропал бы в этом деръме! А я тебе дорогу показываю! – Филипп взял сына за волосы. – Я же сказал – постричься. Что за лохмы?

– Батя…

Говорить или не говорить отцу, что Эля просила его не стричься… Ей вообще так больше нравится, и для фестиваля нужно, для образа романтичного музыканта, у них такая пьеса… Девушка поет о своем пропавшем в море суженом, о том, как она садится в лодку и плывет в открытый океан его искать, а Митя играет на виолончели тему – как будто плачет душа погибшего моряка… Как тут коротко подстричься, под солдатика, как любит отец. Всегда и во всем хочет, чтобы Митя был на него похож, а вот волосы почему-то отпускать не разрешает, хотя у самого всегда волосы чуть не до плеч.

Мите казалось, что он все же поедет на фестиваль, и будет играть эту пьесу, он знал, что ехать не надо, отец прав, а просто видел, как они садятся в поезд – вот Эля сидит напротив него в купе, смотрит на него сияющими глазами, он рассказывает ей что-то потрясающее, такое, что никто и никогда ей еще не рассказывал, и у нее такая светлая кожа, такие нежные руки, она ими поправляет растрепанные Митинны волосы…

– Ну все, ты меня достал сегодня. Да ты меня не слушаешь! В прострации сидишь, мечтаешь! Что я сейчас сказал?

– Что… сказал, что…

– Все, иду за ремнем.

– Нет, батя, нет! Я сейчас буду играть! Все, я выключил компьютер. Вот, выключил, смотри!

– Мне кажется, ты перевозбужден! – Филипп ухмыльнулся. – Просто очень сильно перевозбужден. Я знаю, что ты должен сделать.

– Нет, пожалуйста, нет!

– Да, иначе никак. Сына, мы же с тобой психи, ты знаешь, что нам помогает лучше всего.

– Да, батя… – Митя прижался головой к мощному бедру Филиппа.

Отец лучше знает, что ему нужно.

– Ты – еще ребенок. Ты сам не понимаешь, что тебе делать. Только я знаю, что для тебя лучше.

– Да, батя, да.

Филипп вышел неспешными шагами и скоро вернулся с огромной чашкой черной, сильно пахнущей жидкости.

– Пей, сына, пей.

– Половину? – с надеждой спросил Митя.

– Все пей, сына. Валерьянки много не бывает.

– Меня в тот раз тошило, батя. И так все было потом... вообще тошно.

– Это с непривычки. Я же тебе в два раза крепче стал заваривать. Все, ты теперь мужик, шестнадцать исполнилось, и дозу надо увеличивать. В валерьянке – вся наша сила! Как иначе себя в чувство привести? Никак. Не водкой же заливаться? Я уже залил свое, а ты и не будешь никогда. Я тебя научу жизни. Все брошу, а тебя жизни научу. Мужика из тебя сделаю. Пей, пей, я постою, подожду.

– Можно, я сразу не буду выпивать?

– Нельзя. Пей все сразу.

– Не смогу. – Митя с ужасом смотрел на огромную эмалированную чашку.

Два веселых медвежонка на ней танцевали с какими-то цветочками в лапах. Полустертыe медвежата... И огромные цветики-семицветики в лапах... Надо оторвать лепесток и загадать желание. Он помнит их с детства. В этой кружке всегда что-то заваривали. Слабительное, успокоительное, снотворное... И он с детства боялся этих медвежат, ему казалось, что они знают, как ему плохо, как не хочется пить горький, отвратительный отвар... Знают и смеются, танцуют... У них – волшебные цветики, они могут загадать желание, а он – нет.

– Эх, сына... – Филипп одной рукой крепко обнял сына, другой поднес ему чашку ко рту. – Рот открывай и пей! Глаза закрой и пей до дна! Вот когда мне творить что-то, если я сына ражу! Меня спрашивают – что вы слепили, что сваяли? Сына я слепил, из мрамора отваял, вон какой сыннице у меня! Мое произведение! Пей, пей, попробуй только подавиться! Или, может, хочешь, чтобы я тебе опять клизму сделал? «Пять трав»? Волшебная тибетская клизма, а, как? Так пронесет, забудешь, как звали! – Филипп захохотал. – Весь психоз как рукой снимет!

– Нет, батя, пожалуйста! У меня нет психоза...

– Как это нет психоза?! У нас это семейное! Не хочешь клизму – тогда пей! И благодаря судьбу, что у тебя такой отец! Все бросил ради тебя! Вот мастерскую мне дадут, уйду от тебя! Один останешься, с матерью! Будете вдвоем ковыряться, вспоминать, как хорошо было с отцом, какие вы были неблагодарные...

– Нет, батя...

Почему, когда отец рядом, все кажется по-другому? Все становится неважным – и Эля, и школьные проблемы, и страх перед будущим, и все желания, которые мучают и тревожат? С отцом рядом Митя как будто растворяется, теряет четкие очертания самого себя. Вот он был – а вот его и нет. Есть большой, безграничный отец, занимающий весь мир. И в этом мире есть маленький Митя, которому там так хорошо, в мире отца, хорошо, спокойно, надежно, не надо ничего решать, не надо ничего бояться, ничего не хочется, не страшно. Даже если отец ругается, даже если бьет. Ведь он любит, любит больше жизни Митю. Подзатыльники дает, от которых потом голова гудит весь день, порет так, что майку не снять на физкультуре – вся спина исполосована, голодом держит, высмеивает, но это все от любви. Он сам всегда так говорит... А отец его врать не может. Потому что отец – это весь мир. И в этом мире жить больно, но иначе и не может быть. Отец страдал всю жизнь, и теперь страдать ему. Но рядом с отцом он все выдержит. И не почувствует боли.

– Вот и молодец! – Филипп забрал из рук сына чашку. – Сам выпил. А то что же это такое – отец заставляет! Отец ничему тебя не заставляет, правда, сына? У нас полная демократия. Захотел успокоиться, выпил валерьянки. Хорошо чувствуешь теперь себя, правда?

– Да...

Как-то все теряет цвет и краски, если выпить так много черной, густой валерьянки. Сердце сначала стучит медленнее, как будто хочет остановиться, а потом начинает биться, как маленький растерянный зверек – то быстрее, торопливо и неровно, то с перебоями, и Митя совсем его не слышит, и трудно дышать, и так липко внутри, и взмокает спина, лоб... Руки становятся ватными, тяжелыми, непослушными, и совсем не хочется разговаривать, даже читать ничего в сети не хочется... Только спать... Но не спится... Это не сон, это тяжелое забытье... С вязкими, мутными кошмарами... Худая бесплотная Эля... Она течет, переливается, становится то холодным ручейком, прозрачным, как стеклышико, острое, опасное, с рваными обломанными краями – тронь и брызнет кровь, вся вытечет, его, Митина кровь, до капли... то – змеей, холодной, блестящей, серо-зеленой, залезающей ему за шиворот, струящейся по ногам, так неприятно, так стыдно, так раздражающе... Нет, это не змея, это валерьянка, почему она течет по всему телу, почему так ужасно пахнет, этот запах не выветривается очень долго, муторный, навязчивый, он придавливает к земле, к вытертому коврику, на котором когда-то, много лет назад можно было разглядеть крокодила из мультфильма, у этого крокодила глаза, как у Эли – огромные, бездонные, ужасные, в них можно утонуть... У Эли – крокодиловые глаза... Нет, это крокодиловые слезы, которые она льет о нем, о Мите... Так сказал самый лучший в мире человек... самый лучший в мире отец... он такой добрый... он все бросил ради него, Мити... он жизнь свою закопал ради него... но Митя ему поможет... он отца не бросит... не променяет на баб... Эля – баба... просто баба... таких баб будет много... так сказал отец... ох, как же тошно, как тяжело, как плохо... как жжет все внутри... пищевод, как будто туда натолкали мелких раскаленных гвоздей... разрывает... разрывает изнутри... плохо... невыносимо плохо...

– Филипп... – Марьяна умоляюще посмотрела на мужа, который прикрыл дверь в ванную, доведя туда бледного шатающегося Митю. – Может, не надо так много ему валерьянки?

– Надо! Слушай меня, жена! Я знаю, что ему надо! Просто он отвык, я же неделю не заваривал, занят был, все ждал звонка, позвонят эти сволочи или не позвонят! А ведь по фэн-шую каждый день нужно пить по две чашки, и заваривать по-другому, с ночи настаивать. И добавлять еще кое-что, у меня записано, я знаю, там секрет один есть! Сделаю сегодня, покажу тебе, как надо, сама будешь заваривать, если сможешь, конечно, там точно надо все соблюдать, ошибешься, переваришь или не доваришь – все наスマрку.

– Хорошо... Если по фэн-шую... Это китайцы так говорят, да?

Филипп подошел к жене.

– Китайцы... Они знают, как жить... Тремя рисинками питаются, скоро весь мир завоюют... А я тебя китайцам не отдам... Какая ты у меня... – Он одной рукой сгреб ее лицо, другой смял грудь. – Единственная...

– Филиппушка...

Марьяна прислонилась к мужу. Вот оно, ее счастье. Ее половина, ее судьба. Ни у кого такого нет. А у нее – есть. Так поздно она его встретила, так долго ждала. И ничего ей не надо, ни богатства, ничего. Кто не был на ее месте, тот не понимает, какое это счастье – быть женой такого человека. Такого мужчины, невероятного, сильного, неординарного... Близость с ним – это каждый раз как рождение заново. И говорит как... Можно только его слушать, никого больше – он знает вообще все. Никто даже близко не приближается к ее Филиппу, ни у кого нет такого безграничного интеллекта. Служить ему – радость. Жить с ним – бесконечное счастье. У гениев простых характеров не бывает. Быть женой гения – это тяжелый крест, усыпанный алмазами. И пусть никто этого не понимает. Как они могут понять? Филипп же – ее, ничей больше. Кругом столько одиноких женщин, которым надо беспокоиться о себе, все самим решать. Сотни тысяч одиноких... А она – с Филиппом, мощным, красивым до слез, ненасытным, молодым.

– Батя... – полуживой Митя выбрался из ванной и еле дошел до дивана. – Мне плохо...

— Это что еще за штуки? Поганец какой! — Филипп неторопливо подошел к сыну и одним рывком сдернул его с дивана, на секунду приподняв над полом. — Ты что устраиваешь?

— Мне как-то… плохо…

— А мне — хорошо? Мне — хорошо?! — Филипп заорал так, что сверху постучала по батарее соседка и в ответ прокричала:

— Тебе — сдохнуть пора, так ты меня достал! Участкового сейчас на тебя вызову, урод! Орать по ночам!

Филипп взглянул на часы.

— Так, без двадцати одиннадцать. Иди играй. Еще двадцать минут имеешь право. А как ты думал? Через тернии к звездам, сына.

— Я… не могу… батя… меня тошнит…

— А меня, знаешь, как тошнит от тебя, ошметок ты загаженный!

Марьяна проговорила:

— Мальчики, вы не ссорьтесь, пожалуйста. Я вас люблю. Тебе получше, сынок? Я чайку тебе сделаю…

И ушла на кухню, плотно прикрыв за собой дверь.

— Давай, давай! — крикнул Филипп, надуваясь и багровея. — Давай! Прячься! Кастрюльками греми там! Всё на меня бросай! Говняшку эту я сам, я один должен воспитывать! Всё — я! — Он изо всех сил стукнул кухонную дверь ногой, так, что задрожало стекло в двери. — Вставай! — Он рванул Митю за рубашку. — До инфаркта хочешь меня довести? Вставай, иди играй! Куча дерьяма, ты — просто куча дерьяма! Ты понимаешь, кто — ты? Сухая говняшка ты, вот ты кто! Я тебе варила настойку, цедил, студил, а ты — что? Все обратно сдал? Сам будешь сейчас варить и снова пить, пока все не выпьешь! Что ты молчишь? Что ты на меня смотришь?

Митя опустил голову. Сейчас надо, главное, переждать. Отец быстро успокоится, как обычно. Он добрый, и отходчивый, и очень ранимый человек. Он — старался. А Митя его подвел. Он не хотел подвести, но подвел. И правда, слова не сдержал, не играл, сколько нужно. А если мало играть, то ничего не получится. И так он слишком поздно понял, что его ждет карьера великого виолончелиста. Пока отец ему не сказал, он не понимал, чего ему искать в жизни. Шесть лет еле-еле в музыкальной школе учился. Только в последний, выпускной год взялся за ум. А как тут наверстаешь? Ровесники уже играют концерты, а он еле-еле на экзамене сонатину до конца доиграл, четверку ему натянули, не заканчивать же с тройкой по специальности! И когда он пришел на следующий год, осенью проситься в восьмой класс, завуч руками развела:

— Ну вот! Бесплатно учиться не хотел, теперь платно будем тебя учить?

— Нет, нам платить нечем, — твердо сказал тогда отец. Он умеет настаивать на своем и ставить на место людей. — Мы не воруем. У нас денег лишних нет. Мать одна работает. Так что пишите нам разрешение на бесплатное обучение в восьмом классе.

— Я посоветуюсь с директором, — заколебалась завуч.

— А пойдемте вместе, прямо сейчас! — легко улыбнулся отец. — Мне — разрешат. Я скажу, кто я и почему мы имеем право на бесплатное обучение!

И им разрешили, поняли, кто его отец… И что же, Митя теперь подведет отца? Нет, нет, конечно. Он вообще может никогда не включать компьютер. И выключить телефон. И не отвечать Эле, которая еще час назад что-то ему написала, он видел значок ее сообщения Вконтакте, и не открывал, хотел немного подождать, чтобы она не думала, что он ждет не дождется ее сообщений…

Митя сел, прислонил к себе виолончель, начал играть.

— Это лучше любой бабы, поверь мне, сына…

Филипп сел напротив сына.

– Руку вот так держи, не сгибай в запястье, вот, молодец… Знаю, знаю, как надо, чувствую! Талантливый человек во всем талантлив! Вот не играл никогда, и слуха у меня особого нет, а как играть – знаю. Интуитивное знание, как у древних. Они же ни логарифмов, ни таблицы умножения не знали, а про мир знали всё. Вот и я так. И запомни, сына, никакая баба не даст столько удовольствия, сколько дает музыка. Там ты властен над одной только женщиной, а здесь – надо всем миром. Сидят в зале триста человек – и они в твоей власти, а еще триста миллионов слушают тебя по радио, слушают твои диски, или как там ты в Интернете слушаешь, в ютубе своем… Ты их всех заставляешь себя слушать… Они все – твои рабы, понимаешь?

– Да, батя…

– Все, что сегодня не доиграл, доиграешь завтра. Можешь в школу утром не ходить, я разрешаю. Что у тебя первым уроком?

– Физика.

– Нет, на физику надо идти. Мужику нужна физика. Иди. Придется вставать. Меня не буди. Мне надо выспаться. Мне завтра могут звонить насчет заказа. Я должен нормально выглядеть. А то посмотрю с утра на себя в зеркало, там такая рожа заспанная, помятая, и разговаривать буду неуверенно, и опять не договорюсь. Поймут, что слабину дал. А так я им условия поставлю – и никуда не денутся, как миленькие согласятся! Скажу – половину вперед. И прибегут, принесут на блюдечке. И все у нас будет. И деньги на отпуск, и машинку стиральную купим, и что ты там хотел, новый планшет… Все купим. Одежду тебе… Поэтому надо нормально с ними разговаривать, чтобы хвосты поджали! Они же знают, с кем имеют дело! Это не какой-то им там неизвестный молодой сосунок, который вчера институт кое-как окончил. Мастеру заказ делают! И я марку должен держать… Это целая наука, сына! Кто тебя еще научит таким тонкостям, если не батя! Физику сделал?

– Да.

– А если не врать бате?

– Ну… не до конца.

– Ах ты, ошметок… – Филипп шутливо ударил Митю по затылку, да не рассчитал, у того аж клацнули зубы. – Ну-ка, давай садись, делай, а я рядом посижу. Сына мой… Дитё ты еще неразумное… А это что? – Филипп увидел, как Митя задвигает телефон под тетрадку. – Ну-ка, ну-ка, это что там за сообщение… Как открыть? Контакт этот ваш… Вот хрен какую придумали, а… – Он увидел первые слова. – «Ку-ку…» Это что за ку-ку? Кто может позволить мужику такие слова писать? На хрен пошли ее, я ведь знаю, что это баба какая-то… Открывай, я жду.

– Батя, там ничего нет, кроме ку-ку. Она всегда так пишет…

– Всегда? Моему сыну кто-то всегда пишет «ку-ку»? Что за бред? Что за унизилово? Ты что, сына, охренел? Как ты позволяешь этим… – Филипп набрал побольше воздуха и проорал матерное слово, – с собой так обращаться?! Ну-ка, я сейчас ей отвечу. Это же она, да? Я тебя от нее еще не отвадил? Давай, давай, пиши: «Пошла на хрен!» Так и напиши. Можешь еще прибавить матом. Или нет, матом не надо. Напиши просто «коза». Это лучше будет. Чтобы знала свое место. Матом – много чести. Эмоций слишком много. Так кто это? Она?

Митя сжался в комок. Если написать Эле то, что требует отец, она вряд ли будет еще когда-то с ним разговаривать, тем более не сядет в одно купе и не поедет на фестиваль, туда, где отец будет далеко, а она – близко… А если не написать, отец разойдется так к ночи… Его иногда разбирает, он не может себя остановить… Никто его не остановит, ни мать, ни соседка, которая то и дело вызывает полицию… Они уже и не ездят, смеются только… Кто же его остановит! Батя – творческий человек, понятно, такие бури внутри бушуют… Вся их пятиэтажка дрожит, когда батя разойдется… Никто не спит, с первого по пятый…

– Мальчики, у вас все хорошо? – В дверь Митиной комнаты заглянула Марьяна.

— Хреново у нас все, мать. Ремень неси, широкий. Митька что-то перестал понимать человеческие слова. Не хочет отца слушать. Неси-неси, не робей. А то и тебе попадет. — Филипп подмигнул Марьяне. Она знает, что он имеет в виду... Ушла сразу! Не перечила. Его жена не перечит ему. Если даже весь мир перевернется, и все жены будут перечить мужьям, его жена будет ему служить, как служит уже семнадцать лет. Поэтому он и женился на ней. Поэтому и живет с ней, терпит ее, не такая уж она и красавица. Но зато умница какая... Все понимает с полуслова. И служит ему, служит, и верит в него, боготворит. А так и должно быть! Никак иначе! До сорока лет такую женщину не мог найти, и все же — нашел!

— Вот... — Марьяна, не заходя в комнату, просунула ему ремень. — Ты этот просил?

— Этот... Дверь закрой. Ну что, Митяй, доигрался! Вставай к столу. Снимай... это все... — Филипп сам задрал Мите старенькую тельняшку, в которой тот любил ходить дома. — Это что же, и места нет, где тебя пороть? Синяки одни. Я же не зверь, по синякам парня пороть... А по заднице нельзя... Играть не сможешь на виолончели. По ногам разве что...

— Батя... — Митя умоляюще смотрел на отца. Как страшно, когда он так спокойно рассуждает... Лучше, когда кричит...

— Ну-ка... — Филипп резко развернулся спиной к себе и стал хлестать его, куда попало. — Терпи, ты и так сегодня два раза уже провинился. Пикнешь — запорю до крови. Ну-ка... — Филипп на секунду остановился, — пиши ей, что я сказал. Пиши!!!

Митя молчал, наклонив голову. Филипп поднял его голову и притянул близко к своему лицу:

— Тебе кто важнее — она или я?

— Ты, батя.

— Вот и пиши: «Пошла на хрен от меня».

— Я... я не могу.

— Хорошо... — Филипп неожиданно отпустил сына, медленно свернулся ремень и открыл дверь. — Хорошо...

— Батя?.. — Митя со страхом ждал, что сейчас будет.

— Ничего, сына, ничего. Батя твой и такое переживет. Я же тебя люблю. Я же все про тебя понимаю. Прищемила тебя шмара какая-то, ну, значит, прищемила. Значит, не мужик ты еще. Мужика — не прищемишь. Мужик — пнет ногой и дальше пойдет по жизни. Один — понятно? Один! А иначе — он не мужик. Побежит за тобой — значит, твоя. Не побежит — и хрен с ней. Ясно?

— Ясно, батя... Но...

— Никаких «но», сына! Ты меня слушай! Я знаю, что говорю. Ты книжки читай, а слушай — меня. В книжках — выдумка, ложь, так, как в жизни должно быть, но никогда не бывает, понимаешь? Не понимаешь... Сейчас объясню. Садись, поговорим.

Филипп прошел в гостиную, сел на диван, поправил старенькое покрывало, сбившееся и открывшее ободранные подлокотники, откинулся спину.

— Что ты там стоишь, как неродной? Иди, садись поближе к бате. Эх, вот что бы ты делал без меня... Сердце слабое у меня, а ты меня так мучаешь, заставляешь нервничать... Вот так сидели наши великие русские писатели в теплых креслах, чай попивали со сладкими настойками и пирогами с перепелками и фантазировали. А я тебе скажу, как на самом деле бывает. Как бывает в этой поганой, поганой, несправедливой жизни. И ты будешь ко всему готов. К жизни готов. Мал ты у меня еще, мальчишка совсем... Ну, иди ко мне.

Филипп подождал, пока Митя осторожно подойдет к нему, обнял мальчика, усадил рядом с собой и крепко расцеловал.

— Вот ты какой у меня, своенравный, как батя... «Но» он мне говорит... Ишь, какой смелый... — Он потрепал сына по щекам. — Щеки-то ввалились, каши мало ешь. На ночь иди поешь да и спать ложись! Давай-давай, а мне еще с матерью твоей надо поговорить по душам, а

то что-то вид у нее бледный, заработалась наша мать. Надо бы ей отгулы взять, да всей семьей нам на шашлыки мотануть куда-нибудь в Подмосковье.

– Тетя вроде звала к себе... – робко вставил Митя.

– К тетке твоей, торговке, я не поеду! Фамилию нашу позорит! Я ей написал письмо, чтобы она фамилию поменяла, раз торговлей занялась. Отнесешь на почту... Бубенцовы еще никогда на рынке не торговали!

– Так она вроде не на рынке, батя... У нее магазин теперь... Она мне телефон обещала новый купить...

– Ах, телефон новый! А батя, значит, тебе телефон купить не может? Да? То есть вот как ты за моей спиной! Ты когда с ней разговаривал, сучонок? А ты видел, какой у меня телефон? – Филипп громко захохотал. – У меня вообще есть мобильный? Я по городскому со всеми общаюсь и – ничего! Телефон ему тетя пообещала! Вот твари какие, сговорились, а... А я-то наивный, доверчивый человек, всем верю, всех прощаю...

– Батя, можно, я спать пойду? Мне не нужен новый телефон. Правда.

– Вот. Позвони и откажись. Мы у этой торговки ничего брать не будем... Иди, иди, умой лицо, а то что-то бледный ты какой-то... Что ты, что мать твоя... Жизни нет в лице... Все вам отдаю, кровь свою отливаю – а вы бледные. Есть нужно больше, не истощать себя диетами. Иди вон кашу доешь, и спать.

– Хорошо, – вздохнул Митя. – Как скажешь, батя.

– Да нет, сына! Я же не заставляю! Ты же сам знаешь, как надо, правда?

– Правда.

– И вздыхать тут нечего. НЕЧЕГО!!! – неожиданно заорал Филипп.

– Да чтоб ты сдох!!! – ответила ему соседка сверху. – Я только что уснула... Вот сволочь какая, а!

– Видишь, сына, какие люди есть несдержанные. Не по фэн-шую живут. Не в ту сторону спит, наверно, ногами. Надо завтра к ней подняться, посмотреть, в какую сторону у нее кровать стоит. Высплюсь как следует да и поднимусь к ней, помочь надо человеку. А то нервы – ни к черту. Научу траву заваривать, спать будет, как убитая. Иди, сына, ложись. Спать-то тебе осталось... Всего ничего. На пять тебе будильник ставлю. И побегать во дворе успеешь, босым бегай – я тебе фото показывал человека, который босым бегал, и всё к нему в жизни пришло, и слава, и деньги, – и зарядку потом успеешь сделать, и мантры прочтешь, я там тебе оставил бумажку, списал сегодня в газете, – это молитвы такие... китайские... Еще рубашку себе погладишь. В восемь мать разбудишь, а то она сегодня опоздала на работу. И потише топай, а то я, если проснусь, потом плохо сплю, не высыпаюсь. Иди, поцелую на ночь.

Филипп поцеловал сына в висок, в голову.

– Голова у тебя, сына, что-то горячая. Постричься надо. Кровь слишком приливает к голове, волос много. От волос кровообращение нарушается. Когда седые волосы – то еще ничего, а когда темные, как у тебя... Кровотечение даже может быть из ушей, когда волос так много... И в кого ты такой цыганенок? Я на француза похож, мать наша – просто королева... степная... а ты – как цыганенок, но красивый, сволочонок... На меня в юности похож, только силы нет никакой пока... Я-то какой был конь, а ты вон у меня... нюня-разнюня... Ох, иди. А то разговоримся, до утра опять проговорим, в школе носом клевать будешь. Иди. Постой! Ты – шикарный, породистый самец, моя порода! Ты – гениальный виолончелист, перед тобой весь мир открыт, тебя ждет мировая сцена. Бабы тебе должны ноги мыть и воду с них пить, а не «ку-ку» писать, ясно? И ползти за тобой, в грязи, в лужах, ползти на брюхе, ты их ногами в лицо, а они – за тобой, куда угодно, лишь бы рядом. Морда вся в соплях, а она ползет за тобой, ползет... Ты меня понял?

– Понял, батя, – кивнул Митя и побыстрее проскользнул в свою комнату.

Странно, он ничего этого не ощущает. Ни красоты своей, ни гениальности... Конечно, он нравится девочкам и даже женщинам. Ведь не просто так Марина то и дело норовит прислониться к нему своей огромной, теплой грудью, подкармливает его французским шоколадом, еще пару учительниц весь этот год ему подмигивают, явно оценки завышают, любят поправить на нем пиджак, застегнуть пуговичку на рубашке или, наоборот, расстегнуть, посмеиваясь, ненароком погладить по выпуклой груди, взъерошить волосы... И девочки... Вон Тося как бегает, может быть, конечно, ей интересно, как он рассказывает про литературу и классическую музыку, ведь он очень хорошо умеет говорить, но она тоже любит взять его за руку, горячей потной ладошкой сжать ему пальцы, по ноге провести пальчиком, по шее... Не просто же это так! Он не дурачок, он книги читал, где подробно все описано – не по физиологии, этого хватает в учебниках биологии и в Интернете, а по психологии, это гораздо сложнее. Он и Куприна читал, и Мопассана, и, само собой, Набокова...

А с физиологией все и так понятно – два-три раза посмотришь видеозаписи чужого секса или японские порномультики, и как-то все становится неинтересно. Неужели вот так и у него будет? Так тупо, грязно, убого... Нет, у него все будет по-другому. Он пока не знает с кем. Иногда носятся картинки в голове, но он тут же их прогоняет. Не с Мариной Тимофеевной, нет. Это стыдно, хотя было бы проще всего, наверно. Ведь она все уже знает о жизни, все умеет...

Батя несколько раз пытался с ним об этом поговорить, но Митя сделал вид, что ему совсем неинтересно. Потому что он не хочет об этом говорить с батей. Почему, даже лучше не пытаться понять. Не хочет.

Вот, может быть, Тося бы подошла ему, если, конечно, она согласится. На самом деле он точно не знает, чего она от него хочет. Может быть, как все девочки, она его заманивает, а потом пожелает стать его девушкой. То есть он должен будет ходить с ней за руку, водить в кино, гулять в парке... Он совсем к этому не готов. Некоторые ребята из его класса обзавелись такими девушками, девчонки тут же ставят фотографии в обнимку на свои странички, чтобы рассказать всему миру о том, что парень пойман, парень больше не свободен!

Митя так не хочет. Даже с Элей, наверно. Хотя когда он начинает о ней думать, мысли путаются совсем. Он и не может толком сказать, чего он хочет. Как с Тосей?.. Нет, так далеко мысли у него не заходят. С Тосей он бы мог еще допустить, что у него получится, как у других ребят, хотя он просто не представляет, как и с чего начать. Вот как? Взять и подойти и... все само собой произойдет? Нет... От этих мыслей становится душно и неприятно. Отец говорит, что он – самец, но наверняка что-то другое имеет в виду...

А вот как быть с Элей? Когда ее нет, Митя особенно и не думает о ней. Но стоит ей пройти мимо него в школе, взглянуть на него своими совершенно волшебными глазами... Да, волшебными, другого слова у него нет. Как тогда можно объяснить, что от одного ее взгляда ему становится весело, горячо, ноги сами пускаются то в пляс, то в бег припрыжку, его начинает как будто нести какой-то неостановимый, бурный, радостный поток, слова льются сами собой, остроумные, громкие... Потом, конечно, ему очень стыдно. Но в тот момент, когда на него смотрит Эля, он растворяется, становится легким, невесомым, искрящимся, ему так хорошо, что вообще больше ничего не нужно, лишь бы стоять рядом с ней, бежать за ней, слышать ее голос, видеть струящиеся, отливающие золотом длинные волосы, желать прикоснуться к нежнейшей светлой коже и знать, что ему никогда – никогда! – не прикоснуться к ней, это как драгоценность в музее, исключительная, изумительная, сверкающая, на нее можно смотреть часами, рассматривать, наслаждаться, очень хотеть приобрести навсегда, отлично понимая, что это невозможно, потому что... невозможно.

Главное, не проболтаться отцу. Он привык рассказывать ему все. Но об Эле он, наверно, зря рассказал. Конечно, отец может его научить, как Мите с ней быть... Батя ведь всему его учит. И если бы не отец, Митя никогда бы не понял, что ему нужно заниматься виолончелью. Тянул музыкальку и тянул, еле-еле. И никто из преподавателей никогда не обращал внимания

на Митю. Ходит мальчик, сдает худо-бедно экзамены на четверки, и ладно. А отец распознал в нем гения. И заставил заниматься. И когда Митя выйдет на главные концертные площадки мира, в зале будет сидеть отец и молча улыбаться. И тогда Митя позовет его на сцену, и все будут хлопать его отцу, и он получит все свои аплодисменты, которые недополучил, которые украл у него кто-то другой, менее талантливый, но более приспособленный к жизни, чем его тонкий, ранимый, легко взрывающийся отец. Митя страдает от него физически, но отец-то сам страдает за всех душой – и за него, и за мать, которой приходится за всех работать, тянуть всю семью. Отец – душа, сердце и мозг их маленькой дружной семьи. И, может быть, отец и прав. Никакая девушка ему сейчас не нужна. Ей просто нет места в Митиной жизни.

Митя подумал, взял телефон и написал в ответ на Элино шутливое «ку-ку!»:

Я – спать. Доброй ночи.

И вроде не отшил, но и разговор поддерживать не стал. Он видел, что она сейчас онлайн, тоже не спит. Ей – что. Ей в пять утра не вставать. Тем более, сколько бы она ни спала, она всегда хорошо выглядит. Ясные глаза, свежая кожа с легким румянцем. А он, если спит по три часа, похож на молоденького разнесчастного чертика.

Желаю тебе увидеть во сне добрую фею, похожую на меня... :-) – тут же ответила Эля.

Митя написал сначала «М-да...», как всегда писал, когда не знал, что ответить Эле на ее неожиданные слова, потом стер и написал другое:

Ты правда похожа на фею.

Отправил и тут же пожалел об этом. Ведь это слабость. Отец постоянно говорит ему, что он мал и слаб. И именно поэтому бьет его, для воспитания характера. Митя и сам пытается себя воспитывать. Спит мало, бегает босиком во дворе, когда все еще спят, перетягивает себе живот поясом тайком от отца тую-туго, чтобы не хотеть есть, потому что вообще-то он постоянно хочет есть и был раньше полноватым, а теперь похудел и не собирается больше полнеть. А отцу, конечно, хочется, чтобы Митя во всем был похож на него, и по фигуре тоже.

Он все ждал, когда же Мите достанутся его шикарные вещи, в которых он расхаживал в молодости – кожаный пиджак, который отец купил в Дрездене, куда ездил на практику еще студентом, длинное верблюжье пальто, в котором его всегда путали с Марлоном Брандо, прошли автограф, хорошие неизношенные джинсы, настоящий Levi's, плотные, если их встряхнуть и поставить на пол, они будут стоять, сейчас таких уже и не шьют, так отец считает... Но Митя, скорей всего, уже не дорастет до отца, остановился на хорошем среднем росте, метр восемьдесят один с половиной, как ни мерь.

Митя, тебе визу надо получить. Когда ты поедешь в визовый центр? Осталось меньше трех недель до поездки. Не успеешь.

Митя вздохнул, перечитал Элино сообщение и выключил телефон. Он не может ей отказать напрямую. Лучше молчать. И перечитать отцу он тоже не может. Не потому что отец взорвётся. Митя отца не боится. То есть боится... Но не из-за этого перечить не может. А потому что он любит отца. Любит больше себя, больше Эли... То есть... От пронесшейся мысли Мите даже стало нехорошо.

Он встал, помахал руками, побоксировал в воздухе, представляя себе маленького, вертлявого Артюхина, который вчера смеялся над ним, говорил, что у него... Лучше не вспоминать артюхинские пошлости... Лег на пол, отжался. Он что сейчас подумал? При чем тут Эля и... любовь... Нет, он ведь ничего такого в мыслях не имел... А кто это у него в голове за него подумал?

Митя прислушался, что происходит в смежной комнате, которая на ночь становилась родительской спальней. Можно пробежать до ванной и умыться холодной водой, чтобы мысли всякие в голову больше не лезли? Отец не прощает, если Митя некстати вылезает из своей комнаты, да и матери потом в глаза смотреть неудобно... И неприятна она ему, если что-то такое услышать, а тем более увидеть...

Митя решил лучше не ходить в ванную. Ничего, сейчас пройдет. Мало ли ерундовых мыслей пролетает в голове. Вот, например, недавно он думал, разобьется ли он насмерть или же останется инвалидом, если выпрыгнет из своего окна на втором этаже. Это не значит, что он правда хотел покончить счеты с жизнью. Просто был такой момент слабости... И это – про Элю – лишь слабость. В его голове живет кто-то очень слабый, ведомый, романтичный до глупости... А он – сильный. Он – самец.

Митя лег в постель. Ныло все тело, напоминая ему о странной, владеющей всем его существом близости отца. Он всегда рядом с ним. Мучительно, не радостно, но привычно и надежно. Отец не бросит его никогда. И Митя тоже того никогда не предаст и не променяет.

Глава 8

– Митя, дружок, задержись после ансамбля! – попросила его Нина Георгиевна.

Митя радостно кивнул. Он любит, когда его чем-то выделяют, особенно если это видят другие ученики. Столько лет на него вообще не обращали внимания… А сейчас, когда он стал серьезно заниматься виолончелью, его и в ансамбль взяли, и даже на концерт поставили в конце года, правда, не на школьный, на классный, но все же…

– Да, Нина Георгиевна?

Преподавательница постаралась подавить неприязнь, возникающую каждый раз, когда она занималась с этим мальчиком. Так не хотела его брать на восьмой класс, раньше он был у другого преподавателя, Нина Георгиевна лишь пожимала плечами, ставя вместе с другими членами комиссии четверки на годовых экзаменах, не понимая, зачем эти ненужные муки ребенку, играл бы лучше в футбол, но возраст глубоко пенсионный, не будешь слишком разборчива в учениках. Кого дают, с тем и приходится заниматься. Мальчик хоть и не слишком способный, но старательный. Зачем вот только он все время лукавит, притворяется, так неискренне улыбается… Вот что сейчас улыбаться? Зачем?

– Послушай меня, мальчик… – Нина Георгиевна вздохнула и отвернулась.

Нет, наверно, это возраст. И ее – она устала от всех учеников, и хороших, и плохих. И его возраст – глупый, бесмысленный, когда все силы организма направлены на рост. Мальчик растет и просто не может разобраться, где он, что он, как с кем ему себя вести.

– Митя, сядь и… и, пожалуйста, не улыбайся.

– Хорошо, – машинально согласился Митя и только потом до него дошел смысл слов преподавательницы. – Почему не улыбаться?

– Потому что ты очень неискренне улыбаешься, а меня это раздражает.

Мальчик кивнул и руками согнал улыбку, сильно набив себя по щекам.

– Так лучше?

– Лучше, Митя, лучше. А еще лучше – ничего не показывать. Ни как ты меня уважаешь, ни как ты хочешь учиться, ни как ты с трепетом относишься ко всем моим словам.

– А как же быть? – растерялся Митя.

– Да господи… Никак! Кто тебя этому научил?

Батя всегда говорит: «Улыбайся, у тебя шикарная улыбка, как у меня, я своей улыбкой мир в свое время покорил, мне все двери открывались. Сначала улыбнись, а потом уже начинай разговаривать. Тебе что-то говорят, а ты стой и улыбайся, тогда людям будет приятно с тобой разговаривать, они потеряют контроль, попадут под твое влияние…» Сколько раз он ему повторял это, с малых лет. И Митя привык улыбаться, весело ему или нет. Почему Нина Георгиевна так странно одергивает его? Может быть, у нее болит голова?

– Вы нездоровы? – участливо спросил мальчик.

– Почему, Митя? Я здорова, насколько можно быть здоровой в моем возрасте…

Надо ответить ей, что она молодая? Кажется, так нужно говорить женщинам в преклонном возрасте… Но Митя не решился, он чувствовал, что преподавательница за что-то на него сердится.

– Не перебивай меня, пожалуйста.

– Хорошо. Я слушаю. – Митя покорно кивнул и невольно улыбнулся.

Нина Георгиевна только махнула рукой. Маска эта у мальчика не от хорошей жизни наверняка. Она помнила его отца, который привел его на первое занятие в восьмом классе. Странно уже то, что с таким взрослым мальчиком пришел отец, да и сам мужчина произвел на Нину Георгиевну самое неприятное впечатление. Наверно, домашний тиран, так ей показалось. Настырный, говорит без остановки, и улыбается вроде, а тяжело становится от разго-

вора. И мальчик поэтому такой, весь перекрученный, пережатый, не понимает обыкновенных искренних слов.

– Постарайся меня услышать, Митя.

– Да-да, Нина Георгиевна...

– Митя, тебе надо поехать в Латвию на фестиваль с Теплаковой и выступить там.

– Я не могу, – быстро ответил Митя и снова улыбнулся. Ведь улыбка – это самое верное средство, чтобы человек понял, что ты говоришь искренне, чтобы проникся твоей правдой.

– Можешь, Митя.

Нина Георгиевна отошла к окну. Раньше она бы закурила, и сильное раздражение, которое сейчас мешало ей говорить с Митеем, быстро бы растворилось в горьковатом, таком необходимом ей сейчас дыме сигареты. Но – увы. Чтобы закурить, теперь надо выйти из школы и топать далеко за ворота. А с мальчиком говорить нужно сейчас и здесь.

– Можешь и должен ехать. Ты зажат.

– Я?

– Да, ты, Митя. Ты зажат, ты боишься сцены, ты еле-еле доиграл свое произведение на классном концерте. Ты не можешь открыться. У тебя нет свободы, нет азарта, нет огня. Разве ты сам об этом не знаешь?

– Знаю, – кивнул Митя.

Очень болезненная тема. Он пытается об этом не думать. Гораздо приятнее верить отцу и представлять себя на сцене европейских концертных залов... Потому что он хочет на самом деле совсем другого. Зря даже Нина Георгиевна об этом сейчас так открыто заговорила.

– А если знаешь, то почему отказываешься от такого шанса? Чудесного просто шанса! Если бы мне кто-то сейчас предложил бесплатно поехать в Европу сыграть на фестивале...

– Подыграть Эле, а не сыграть, – уточнил Митя.

– Да ты что, мальчик, издеваешься? Подыграть! Да, во-первых, такой певице и не грех подыграть! Три полные октавы с колоратурным верхом, мощный голос, тембр, сама – красавица... Подыгрывать ей – одно удовольствие. И девчонка хорошая, скромная, голосом своим вовсе не гордится, не выпирается никогда вперед... Чудо, а не девочка! А потом, почему, извини, пожалуйста, ты так относишься к выступлению дуэтом? Ну да, один ведет, другой – за ним...

– Я должен быть главным... – пробормотал Митя, не совсем уверенный, что говорит правильные вещи, но он обещал бате быть мужиком во всех ситуациях, а не нюней-разнюней.

Он уважает своего Учителя! Нина Георгиевна за один лишь год так многому его научила, предыдущая преподавательница ни во что его не ставила, батя говорит, что вот раньше бы к Нине Георгиевне попасть, уже бы в училище музыкальном был, и она-то сама считает наверняка его своим шансом, своим последним шансом, с Митеем она прославится как педагог. Да и просто – пожилая женщина так любит его, так прекрасно к нему относится, понимает, что к гению нужен особый подход...

– Почему ты должен быть главным, детка? С чего это ты решил? – прищурилась Нина Георгиевна. Много она повидала детей на своем веку, и еще более странных, чем Митя. Он, конечно, чудак-человек, но она была уверена, что видит его насквозь. Ничего сложного и особенно пугающего в его поведении она не видела. Это, скорей всего, обратная сторона зажима и неуверенности в себе. – Иногда нужно и уступить кому-то первое место.

– Но не женщине, – пробормотал Митя. – И вообще, я в таком дуэте и в оркестре играть не собираюсь. Я буду солистом.

– Будь, Митя, будь. Но сейчас надо поехать с Элей, у вас просто великолепный номер, тебе только нужно раскрепоститься, снять все зажимы, поверить в себя, услышать, как прекрасно Эля поет, понять, о чем она поет, и достойно сыграть свою партию. Она может спеть и без тебя, но с виолончелью будет лучше. Да и внешне вы – прекрасная пара.

– Нет!

Митя не хотел дальше спорить, вырвалось само. Батя учит, что ему не нужна пара. И ему на самом деле нужно быть одному. Иначе он не станет тем, кем должен стать. Если уж ему не быть скульптором... Конечно, было бы здорово лепить, вырезать, ваять...

Его рукам с самого детства хочется разговаривать, рассказывать, выражать то, что чувствует Митя, о чем он мечтает, фантазирует. Сколько раз он принимался лепить Элю за последние два месяца, с тех пор, как они спели в школе эту странную, волнующую песню о переулках весны, в которых они пойдут вдвоем, навстречу рассвету, навстречу наступающему дню, навстречу весне... Лепил из чего придется – в школе из пластилина, который у него был спрятан в мешке со сменной обувью, дома из хлебного мякиша, в музыкальке – из остатков мягкой оконной замазки, которую можно потихоньку отколупать из окна, она похожа на гипс, даже пахнет так же... Отец дома лепить не разрешает, потому что Митя – бездарен и потому что заниматься скульптурой нет смысла вообще, кому, как не отцу, это знать. Настоящий талант в нашем обществе не востребован, это Митя хорошо усвоил с самого раннего детства.

– Короче, так, Митя. Ты спрашивал мое мнение? Я пришла, послушала номер и говорю тебе – номер хороший, Эля поет великолепно, произведение интересное, ты играешь нормально, можно лучше, есть куда расти. Вот. И надо поехать, преодолеть себя. Я считаю, ты просто тренируешься.

– Я?! Я – трушу? Я?..

– Да, мальчик. Ты тренируешься. И прячешься в свои глупости, которые сам и придумал. Все. Надо помочь с номером – приходи, позанимаюсь с тобой. А так – до свидания. Учебный год закончен.

– А программа? Я хотел летом играть программу... Выбрать программу нужно, определиться...

– Какую программу, Митя? – устало вздохнула Нина Георгиевна.

– Для поступления...

– Ты – собираешься поступать, – уточнила преподавательница.

– Да! Конечно!

– А куда, прости?

– В консерваторию.

– Ясно...

Нина Георгиевна села, снова встала, подошла к окну. Да, вот чего ей не хватает – это сигареты. Ну как можно спокойно разговаривать с этим мальчиком? Выйти на большой балкон, что ли, закурить? Уволят... Ей шестьдесят семь лет. Уволят за малейшее нарушение дисциплины... Она даже больничные уже лет шесть как не берет, как бы себя ни чувствовала.

– Хорошо. Готовься, если считаешь нужным. Тебе ведь еще год до поступления?

– Да! И я летом хотел с вами заниматься. Вы же еще будете приезжать в школу по делам?

– Да, писать учебные планы, и у меня платный ученик, он поступает в Австрии в музыкальную академию.

– Вот, я же могу после него рассчитывать на урок с вами... Мне нужно, Нина Георгиевна... Прошу вас, не отказывайтесь. – Митя старался говорить как можно убедительнее и не терять достоинства. Как батя.

Нина Георгиевна взглянула на мальчика. Да, он не виноват. Да, у него очень бедная семья. Почему, непонятно. Она же видела отца. На вид – здоровый мужик, крепкий, рослый. Но это на вид. А там – кто знает? Может быть, он инвалид... Мало ли каких болезней только не бывает. И мальчик привык к своей бедности, не стыдится ее, не скрывает, не понимает, что есть вещи, за которые все платят, кроме него... Может, это и неплохо. Живет в эмпиреях, не задумывается о хлебе насущном. Что есть, то и съел. И пошел играть на виолончели.

— Ладно. Приходи на урок, там разберемся. Ехать в Латвию, мальчик! Ехать и не раздумывать!

— Нина Георгиевна… — Митя встал, чувствуя, что от волнения не может сидеть. Ведь это все так важно для него. На самом деле он очень хочет поехать. Он никогда не был ни в какой другой стране, он даже не мечтал никуда поехать этим летом, кроме тетиной дачи, если отпустит батя, а он сестру презирает и вряд ли отпустит. Митя хочет поехать с Элькой, потому что хочет поехать, потому что она ему снится, потому что руки сами ее лепят, ее высокую, тонкую фигуру, ее нежный профиль, ее ровные плечики, стройные сильные ноги, он хочет поехать, но ОН НЕ МОЖЕТ! Батя взял с него слово. Он же не может его предать, не может нарушить слово…

— Да, Митя?

— Нина Георгиевна… Ваше окончательное слово – ехать? Да? Мне ехать?

— Конечно, Мить, что тут думать и рассусоливать столько. Сразу, с первого дня было ясно. И вообще, Митюша, это хорошее развлечение, тебе судьба такой подарок дарит! Поехать, посмотреть мир, познакомиться с другими творческими людьми…

Нет, вот слово «развлечение» ему не подходит. Ему надо работать. Надо играть по четыре часа в сутки. По шесть, семь – летом, когда уроков не будет. Мир посмотреть – тоже не резон. А себя испытать, преодолеть – вот это да, это резон.

— Хорошо. Спасибо, Нина Георгиевна!

Мите очень хотелось сказать, что, когда он станет всемирно известным музыкантом, он всем будет рассказывать и о своей первой учительнице, которая совсем не любила и не ценила его, просто терпела, и о Нине Георгиевне, которая увидела в нем гения. Но он не решился.

Теперь, главное, заручиться поддержкой матери, чтобы отец не остервенел, не набросился на него с кулаками, не устроил скандал. Хотя бывает и так, что отец покричит-покричит, да и согласится. На новогодние каникулы к тете на два дня отпускал. Потом порол, правда, «дурь вышибал»… Но отпустил же! А к порке Митя привык. Ничего особенного. Не страшнее ста пятидесяти отжиманий или бега по мокрой грязной земле босиком, когда все спят, спит весь мир в теплых уютных постельках, и только он, маленький, мокрый, замерзший со сна, бегает и бегает по ледяному асфальту, сбивая ноги, разбрызгивая лужи, попадая то в бензиновые подтеки, то в собачье дерьмо, бегает и представляет, как когда-нибудь он будет это вспоминать, зная, где начинался его звездный путь – вот в этом стареньком дворике, заросшем тополями с обрубленными головами, заставленным машинами, среди которых нет их машины, она давно сломалась и вросла в землю на пустыре, где осенью началась стройка, во дворике, из которого он когда-нибудь обязательно уйдет в другую жизнь, где у него все будет – и самые лучшие женщины, и много, очень много денег, и слава, и прекрасная светлая мастерская, где он будет лепить сколько душе угодно – после концертов на самых лучших сценах мира. И конечно, в этой мастерской будет место и для бати. Или даже – нет, лучше батина мастерская будет рядом, смежная. Они же привыкли всегда жить в соседних комнатах. Вот и будет когда-нибудь у отца мастерская рядом с Митей. И отец наконец получит возможность слепить и изваять все, что он задумывал за жизнь. И все поймут, какого скульптора они столько лет отрицали и унижали, какого большого художника не принимали! Отец еще всем покажет!

Митя, взволнованный разговором с Ниной Георгиевной, быстро шел домой и не заметил, что идет за Элей. Только когда он ее перегнал, то словно очнулся, обернулся, засмеялся:

— Элька! Я тебя не увидел!

— Привет…

Когда она говорит «привет» таким голосом, то кажется, что она так много ему сказала, все, что он не решается спросить и о чем даже не хочет думать! Митя стал рыться в сумке.

— Подожди, пожалуйста, сейчас…

– Ты что-то забыл в музикалке? – засмеялась Эля.

Ну почему она так светится, особенно когда улыбается? Митя засмотрелся на девочку, потом спохватился и снова стал рыться в сумке.

– Да черт, где она… А, вот! – Он достал маленькую шоколадку, которую еще перед ансамблем купил в автомате в фойе музикалки. Как раз думал, вдруг встретит Элю… По рублю копил со сдачи в магазине, когда мать посыпала его за хлебом. – Будешь? – как можно небрежнее спросил он.

– Давай, спасибо… – довольно равнодушно сказала девочка, как-то сама осеклась и вдруг резко поменяла тон. – Как раз такую люблю, спасибо!

Митя хотел задуматься, почему она заговорила по-другому, но не успел. Он увидел, как распахнулась короткая кожаная красная курточка Эли, под ней приподнялась легкая белая рубашка, застегнутая на три пуговки, и так красиво, волнительно обозначилась нежная круглая грудь… Митя засмотрелся. В голове у него затикало, внизу живота тоже. Вот о чем так грубо иногда спрашивает отец, вот что он имеет в виду, когда интересуется, как реагирует его тело на Элю… Вот так и реагирует… Довольно неловкая ситуация, как ему теперь себя вести, непонятно… Эля понимает, как ему нехорошо? Точнее, как хорошо…

Митя совсем растерялся, заговорил о чем-то, не соображая, что говорит, засмеялся, отвернулся, хотел уйти, потом положил руку на Элино плечо, то, которое было рядом, тут же отдернул руку, потому что это совсем ему не помогло, да и что она подумает… Теперь уже жгло и тикало во всем теле, смеялась и пела душа, Митя напевал вместе с ней, все подряд, ноги приплясывали, руки показывали что-то большое и не имеющее формы, и трудно было дышать.

– Мне направо, Мить… – негромко сказала Эля.

– Мне тоже, с тобой! – радостно воскликнул Митя. – Ой, сумку давай! Ты что сама-то ташишь? Мне отдала бы сразу!!!

– Да нет, она не тяжелая…

– Сумку давай! – заорал Митя, сам не понимая, зачем он так страшно кричит.

– Мить, ты что? – Губы у Эли задрожали. – Почему ты так кричишь? Что вообще с тобой такое? Ты как себя чувствуешь?

– Хорошо. Прости. Эля, прости, я… – Митя остановился, взъерошил волосы. – Постригусь пойду. Кровь приливает к голове.

– Нет, пожалуйста, нет! Тебе так идут волосы!

– Правда? А батя говорит – не идут.

Вот кому верить? Конечно, бате. Но под Элиным взглядом начинаешь таять, тело теряет вес, горячо, радостно, время растворяется, непонятно, вечер сейчас или утро, и видишь только эти губы, так точно очерченные, эти золотистые ресницы, если они проведут по твоей щеке, наверно, это будет очень приятно… Нет, нет, об этом нельзя думать! О чём вообще он думает? Митя постарался прокашляться, глубоко подышать.

– Митя, что с тобой? – испугалась Эля. – Ты приболел?

– Нет. Нет. – Он протянул ей сумку. – Все, мне надо домой. С отцом разговаривать. Я еду в Латвию. Я не сказал тебе?

– Нет! – засмеялась Эля. – Самое главное ты не сказал! Всё рассказал, кроме главного! Как хорошо, давай тогда вместе в визовый центр поедем!

– Нет. Нет… – испугался Митя. – Нет. Я… я с батей. Или с матерью поеду.

– Ну, хорошо, что ты так переполошился? Конечно, только езжайте быстрее. Мить… У тебя есть деньги на визу? Может…

– Нет! – Митя отшатнулся от нее. – Еще чего! Ты мне будешь давать деньги? Ты что – вообще? С ума сошла… Унижать меня…

– Да успокойся ты! Прости. Конечно, у тебя на все есть деньги, и на визу, и на все. Я вообще к деньгам просто отношусь. Деньги – песок.

– Да? – удивленно переспросил Митя. – Странно ты рассуждаешь. Ну да, вы же богатые...

– Мои родители не всегда были богатыми...

Митя услышал звук телефона в кармане, судорожно достал телефон. Отец, конечно, заждался его...

– Да, батя... Я иду домой.

– А сколько можно идти?! – заорал батя. – У тебя когда ансамбль закончился? Я уже собирался за тобой в музыкалку идти! Ты где вообще?

– Я... Я тут... – Митя взглянул на Элю. – Я друга встретил...

– Какого?

– Сеню...

– А, Сеню... А дай ему трубку... Хотел спросить, как у него дела в техникуме...

Митя растерялся.

– Бать... А... он... он уже ушел! Только что сел в троллейбус. Я его провожал, мы на остановке стояли. Я домой иду.

– Ну, хорошо... – недоверчиво сказал отец. – Поторопись. Кашу два раза тебе разогревал уже. Выйти, встретить тебя?

– Нет, нет, – заторопился Митя.

Вот плохо, что приходится из-за нее обманывать самого близкого, самого любимого человека.

– Пока, Эля! – Митя, не оборачиваясь, ушел широкими шагами.

– Пока... – Эля недоуменно смотрела ему вслед.

Может, и зря она все это затеяла? Может, и зря так хочет с Митеем поехать? Что-то есть в нем такое, что не дает ей безоговорочно кинуться в это шемящее, волнующее, радостное чувство, которое заполняет и заполняет ее душу, всю ее суть с тех пор, как на концерте в школе Митя в самом конце песни протянул ей руку, они так не репетировали, он это сделал неожиданно только на концерте, она в ответ дала ему руку и почувствовала то, что никакими словами нельзя описать. Да, можно сказать: «Он сжал мне руку и не отпускал», – и ничего этим не объяснить.

А с этой секунды началась ее новая жизнь. Жизнь, в которой появился он. И отошли на задний план все друзья, все подружки, все предыдущие маленькие влюбленности, и обольстительный аспирант Валера, и смешной долговязый Костик, доверчиво топающий за ней по школе – куда она, туда и он, всегда, уже два года, и хулиганистый,ечно румяный и вполне симпатичный Дуда, не дающий ей прохода.

Всех затмил, и, похоже, надолго, этот вихрастый, глазастый, трогательный, необычный мальчик, который не умеет улыбаться, его обычна улыбка – это не улыбка, а гримаса – то ли боли, то ли ненужной никому натужной вежливости, – и лишь редко-редко, ей одной он улыбается по-настоящему, мальчик, над которым многие ребята смеются, а женщины с интересом провожают его глазами – еще бы, такая атлетическая фигура, ноги, грудь, плечи, такой нездешний взгляд – как будто Митя только приехал с каких-то далеких островов, где все по-другому, совсем другая жизнь, и ему все так удивительно здесь, все так непривычно...

Глава 9

– Митюша, вот, смотри, что у меня есть! – Марьяна достала конверт.

Митя бросил тревожный взгляд на отца, тот читал газету, не обращая внимания на них с матерью. Вроде как не обращая внимания. Что в конверте? Деньги? Мать иногда дарит ему деньги в конце года и на разные праздники. Он их чаще всего копит и покупает на них подарки родителям. Мите так нравится дарить, так нравится видеть удивленно-недоверчивый взгляд отца: «Что, мой сына так вырос? Он мне дарит подарки...»

Или что там? Паспорт с визой? Так ведь они вроде договорились с матерью, что та сама потихоньку, постепенно уговорит отца, получит его согласие на Митину поездку, им надо вместе идти к нотариусу. Неужели уже уговорила, а отец никак и виду не подает, не комментирует, молчит? И виза так быстро готова? Может, мать обошлась без отца, и он сейчас взорвется?

– Что это? – сдержанно спросил Митя.

– Билеты на концерт. Ты же хотел куда-нибудь с друзьями сходить. Пригласительные, бесплатные. Сядете где-нибудь, там места будут наверняка... Очень хороший концерт, струнный, и виолончель будет. Там же и программка внутри. Это нам на работе давали. Никто не хотел идти, так я семь билетов взяла.

– Семь? Ух ты, так я с ребятишками пойду...

– Ты прямо как отец иногда разговариваешь, – умилилась Марьяна. – Его же интонации, его словечки. Надо же...

Так... Митя стал считать, кого позвать. Деряев, это понятно, лучший друг. Потом Сеня, если пойдет... Самый лучший друг, но он отпал уже от школьной компании, свои интересы, техникум... Наверно, надо Тосю и Посю позвать, им полезно, пусть просвещаются. Тося всегда внимательно слушает его рассказы про музыку и музыкантов... А как быть с Элей? Она учится в другом классе, да и вообще... Сматрит иногда на него так, что Митя начинает крутиться на месте, подпрыгивать от волнения... Деряев точно это уловит и будет смеяться. С ней если идти, то только вдвоем... В общем, без Эли. И отец тоже любит, когда он ходит компаниями, а не вдвоем с кем-то, так ему спокойнее.

– Только это завтра, сынок, надо побыстрее договариваться.

– Агась! – улыбнулся матери Митя. – Спасибо, мам! Я тебя люблю!

– Я тебя тоже люблю, сынок... – Марьяна договорилатише, видя, как дернулся и поднял бровь Филипп. Не любит он, когда Марьяна слишком уж нежна с сыном. Да и не надо, когда есть отец в доме, пусть он и воспитывает, он и приласкает. Не у всех отец есть, а если есть, то редко принимает такое участие в воспитании. Вот поэтому и сын у них такой необычный, такой талантливый...

Мальчик быстро допил несладкий чай – отец как сказал, так и сделал, до получения годовых оценок Митя послушно пил чай без сахара, – схватил сумку и побежал в школу.

Перемена давно закончилась. Но физик – добрый человек, понимает, что у Мити нет денег обедать в столовой. Митя живет рядом и бегает домой перекусить и переодеться. Митя любит, чтобы одежда на нем была свежайшая, и меняет рубашки два раза в день.

– Бубенцов, ну заходи, заходи... Как раз обсуждаем, какую обидную ошибку ты сделал в контрольной... Да, не выходит у тебя пятерка, увы. Как ты ни старался. Но все равно молодец! Вытянул в этом году с тройки на твердую четверку.

– Нет... – Митя невольно произнес это вслух.

Физика! Только не по физике! Отец требовал, чтобы по точным наукам у него были пятерки. До десятого класса он как-то легче к этому относился, а вот с этого года у них дома жесткий контроль. Тройка по математике или физике – наказан. Да Митя и без наказания понял, услышал отца. Надо так надо. Почему, он поймет потом. Отец сам когда-то учился

в авиационном институте два года, не сразу пошел в Строгановку, но талант оказался сильнее, перетянул его. И отец хорошо разбирается во всех бытовых приборах, всегда знает, что и почему перегорело, может все объяснить. Когда давно-давно у них была машина, отец вечно ругался с мастерами, чинившими ее, потому что они не понимали, что надо делать, только ломали машину. А он им все хорошо объяснял, маленький Митя просто заслушивался, стоя рядом.

– Алексей Ефимович… Я перепишу…

– Все, все, Бубенцов! Проехали, закрыли тему. У тебя тройка по годовой контрольной, так что электронная система пятерку в году тебе не выставит. Ничем не могу помочь. Переписывать некогда. Три дня до конца учебного года, ты смеешься?

– Алексей Ефимович…

– Сядь, не отсвечивай.

Митя поймал взгляд Тоси. Что-то в нем было такое… Не жалость, не сочувствие, не понимание… Вообще что-то не относящееся к физике… Он отвернулся. Вот черт! Как теперь быть с концертом? Отец никуда его не пустит. Пойдет в школу разбираться с физиком, настоит на переписывании, потом посадит Митю дома, будет объяснять ему, зачем мужику точные науки, заставлять учить формулы, решать задачи, будет пороть… Ну, в общем…

После урока Митя подошел к физику, дождался, пока все уйдут. Он видел за дверью черно-зеленые волосы Тоси, она маячила под дверью, но не заходила. Митя слышал и низкий хохоток Деряева. Ждут его друзья, поддерживают его, приятно. Там же крутился и Артюхин, он слышал и его смех, визгливый, как у девчонки. Даром, что усы у первого выросли.

– Алексей Ефимович…

– Все, все, Бубенцов! В следующем году отыграешься. Сейчас – фол. Все, пока.

Почему физик его не любит? Вообще, кажется, его недолюбливают мужчины-учителя. Что физкультурник, хотя Митя отжимается больше всех, бегает быстро, не пропускает физкультуру, не курит в раздевалке в маленькое зарешеченное окошко, что информатики, оба, иронизируют над его аккуратностью и исполнительностью. Может, ему это только кажется, просто симпатия мужчин выражается по-другому? Вот и физик сейчас. Ведь смотрит на него с явной симпатией, а прогоняет. Ждет, наверно, чтобы Митя проявил настойчивость.

– Алексей Ефимович, я хочу исправить тройку. Я… мне… В общем, мне нужна пятерка в году.

– Слушай, Бубенцов… – Физик взглянул на дверь, в которую просовывалась голова Тоси. – Торчкова, дверь закрой и подальше от нее отойди!

– Надо-олго, Алексей Ефи-имович? – засмеялась Тося.

– Месяца на три, Торчкова! А лучше вообще больше не приходи! А ты, Бубенцов, попробуй себя в чем-нибудь другом. Мить, скажи мне, – физик понизил голос, потому что закрытая было дверь снова стала потихоньку приоткрываться, – тебя что, дома бьют? Ну что тебе так дались эти оценки? Никто в десятом классе уже так не кипищует, ну что ты, а? Унижаешься…

– Я – не унижаюсь, – твердо ответил Митя. – Просто мне нужна физика.

– Ясно. Хорошо, в следующем году старайся тогда. Ты куда думаешь поступать?

– В консерваторию, – не задумываясь, ответил Митя. – Или, если не получится, в Мерзляковку.

– А это что за зверь? – усмехнулся физик. Да, не напрасно он думал, что мальчик немного не от мира сего. Идет в консерваторию, а так переживает о физике.

– Это училище при консерватории. Но я думаю, что меня сразу в консерваторию примут. У меня… способности, – скромно добавил Митя. – Батя так говорит.

– Батя… Да, я, кажется, помню твоего отца. Представительный такой мужчина. Он художник, кажется, да, у тебя?

– Скульптор, – с гордостью ответил Митя.

— Хорошо. Ладно, Бубенцов. Если уж так ты рвешься… Даю тебе последний шанс. Переписывай, но прямо сегодня, после восьмого урока приходи.

— Спасибо, Алексей Ефимович, — сердечно поблагодарил Митя.

Вот, значит, он умеет с людьми договариваться. Забыл улыбнуться! Он вернулся, улыбнулся, поймал в ответ удивленный взгляд физика. Вышел в коридор, там по-прежнему стояла вся его компания.

— Ребятки… — начал Митя.

Артюхин заржал.

— Митюха, ну ты запарил разговаривать, как дебил! Ч хотел?

— Ну как там, Мить, а? — Тося подошла к нему близко-близко, прижалась всем тельцем к его боку. Прижалась, провела, не видно для других, ручкой ему по спине, и ниже, погладила ягодицы, бедро, как-то незаметно рука ее скользнула куда-то совсем в неожиданное, незащищенное, слишком тайное место… Митя вздрогнул, хотел отойти от Тося, но не смог. Это было и тревожно-приятно, и немного непривычно, так, что даже нога стала сразу дрожать, и Митя почувствовал, что весь взмок. Он неожиданности новых ощущений он икнул.

Артюхин с Деряевым переглянулись и тоже икнули, громко-громко, передразнив его.

— Ребятки… — снова начал Митя внезапно осипшим голосом. Ведь никто не видел, что делала сейчас Тося? Она, маленькая, стояла, спрятавшись за ним, прислонившись к стене, и словно задумчиво слушала всех. А на самом деле гладила его, да так, что Митя застыл от переполнивших его ощущений. Новых и странных.

— Ну, лошок, ч ты хотел? — Деряев прищурился, пытаясь понять, почему Тося так замерла за спиной у Мити. — Говори, не томи. Торчкова, иди ко мне, я тебя потерял.

— Я зде-есь… — жеманно протянула Тося и все же пошла к Деряеву, напоследок крепко-крепко сжав Митину ногу.

Приятная девочка, немного странная, конечно, никто еще из женщин так не льнул к Мите… Но это же, черт возьми, хорошо! Значит, он ей точно нравится? Батя всегда говорит — надо, чтобы было, из кого выбирать. Одну пнешь, другую пнешь, посмотришь, кто из них поползет за тобой. Митя расправил плечи. Вот, в общем, уже две точно есть. Эля и Тося. Еще Марина Тимофеевна, эта тоже точно в него влюблена, а еще школьная учительница по музыке, которая у них не ведет, — в старших классах нет музыки, — но всегда ему улыбается, когда он приходит в столовую пить воду, старается чем-то его угостить… Но будут ли они так же смелы и откровенны, как Тося…

Митя увидел, как Деряев неожиданно обнял Тося, та не отстранилась. Наверно, они друзья. Между друзьями это нормально. Вообще — ведь все они друзья! Все — его ребятки! Его компания! У Мити резко улучшилось настроение после разговора с физиком и после того, как Тося так явно показала ему, что он ей очень нравится.

— Ч хотел? — повторил Деряев. — Уболтал Ефимыча? Исправит тебе тройку?

— Я переписывать буду, — улыбнулся Митя, видя, как Тося, зажатая высоким Деряевым, смотрит-то из-под его подмышки на него, на Митю! И тихонько ему подмигивает и облизывает губы, как-то так, что Мите стало все ясно. Он, правда, с другом ссориться из-за девчонки не будет, если надо, уступит Деряеву. Но только, судя по всему, Тося уже выбрала его, Митю. Или они просто с Деряевым друзья… Тогда что выбирать… Митя потер голову. Нет, ничего не понятно. Очень сложно во всем этом разобраться! Билеты! Надо же договориться о концерте, ведь идти завтра уже! — Ребятки, пойдемте на концерт, — сказал Митя.

— Ребя-я-яшки… — Маленький Артюхин смешно проблеял, передразнивая Митю, и неожиданно очень сильно толкнул его.

Тот покачнулся, но тут же в ответ так пихнул Артюхина, что подросток отлетел назад, стукнувшись об колонну, задев по пути Марину Тимофеевну, которая уже некоторое время шла за группой десятиклассников.

– Ну, Артюхин, ты вообще… – покачала она головой. – Ты как себя ведешь? Привет, Митя! – поздоровалась одна с одним Митеем. – Как успехи? Что-то не заходишь… Вот зайди, кстати, я там твоей маме кое-какие материалы хотела передать, она просила.

– Маме? – удивился Митя. – А, ну хорошо, сейчас зайду. Вот, с ребятками только договорюсь. Мы на концерт идем. Хотите с нами?

– На концерт? – Марина Тимофеевна подняла тоненькие сероватые брови. – Когда?

– Завтра.

– А что за концерт?

– Струнный. В Доме музыки. Бесплатно!

– А знаешь… – Марина усмехнулась, глядя, как Тося быстро-быстро захлопала ресницами, слушая Митю, при этом даже не пытаясь освободиться от цепких объятий Деряева. – Слушай, Деряев, ты свою девушку, может, на улице будешь обнимать, ну не так же откровенно!

Марина ничего не понимает в их отношениях, усмехнулся про себя Митя. Они все – друзья!

– Это еще не откровенно, Марина Тимофеевна! – засмеялся Деряев, обнажив длинные желтоватые зубы. – Показать, как откровенно?

– Нет, нет, не сейчас, Деряев. Какие же вы, а! Наглые, беспардонные… Митя, в общем, заходи, я материалы маме передам, и про концерт все расскажешь. Я завтра могу пойти, у меня муж как раз в командировку на два дня уезжает.

– Так вот и надо… – Деряев подмигнул, – немножко оторваться, да, Марина Тимофеевна?

– Ох, Деряев, жаль, ты у меня больше не учишься…

– Не нужна мне биология, Марина Тимофеевна, у меня экономический профиль! В будущем вообще наук не будет, только одна экономика. Кто лучше деньги сосчитает, тот и в шоколаде!

– В шоколаде будет тот, кто их заработает, Деряев!

– Или украдет! – встярал Артюхин.

– Или украдет, – согласилась Марина Тимофеевна. – Мить, я тебя жду.

Митя в растерянности остановился, не зная, идти ли ему с друзьями, так хорошо компания складывалась, он всегда мечтал, чтобы ходить с друзьями по школе, вот так, как сейчас – все вместе, дружно, весело, ну что, вот так взять и уйти к Марине?

– Подождете меня? – попросил он. – Вместе погуляем потом. Мне к Алексею Ефимовичу только после восьмого. Еще целый час.

Тося подмигнула ему. Подождет, она и подождет. И Деряев с ней, он же все время рядом с ней. Это вообще все очень приятно. Все – вместе! Вот так, дружно, весело, в компании – много ребят, все друг друга любят, все хорошо относятся… Это ведь его заветная мечта – быть в центре большой дружной компании.

Митя увидел, что по лестнице спускается Эля в окружении своих одноклассников. Вот, у нее же есть компания. Они всегда так по школе ходят. Рядом с ней, как обычно, долговязый мальчишка с огромными голубыми глазами, как у девочки, наверно, ее друг, потому что никогда от нее не отходит. Где-то поблизости прыгает и белобрысый Дуда, хорошо известный на всю школу, после того как неделю назад на спор курил электронную сигарету, пройдя три этажа школы медленными шагами. И никто не смог его остановить. Не драться же с подростком! Все училки прыгали рядом, уговаривали… А главное, ничего и потом ему не сделали. Ругались, кричали, угрожали, а Дуда только посмеивался. Родители его уезжают в длительные командировки, Дуду оставляют одного, он самостоятельный и смелый, Мите только мечтать о такой смелости.

Но, кстати, он бы не хотел быть таким самостоятельным. Ему нравится то, как у него есть сейчас. Он знает, что дома его ждет человек, который понимает все, все может объяснить, все непонятное расставить по своим местам. Ну, конечно, то, о чем Митя решится отцу рассказать.

Вот о Тоце он, наверно, не расскажет. И о том, как несколько дней назад он шел из музыкалки с Элей и неожиданно потерял ощущение времени, растворившись в ее взгляде... О том, как каждую ночь после этого ждал, когда затихнут все звуки в родительской комнате, и только тогда писал Эле, уверенный, что неожиданно не откроется дверь, не войдет отец и не отберет телефон... И не прочитает его взволнованные, без начала и конца сообщения...

– Привет, Мить! – помахала ему рукой Эля, спустившись на этаж с одноклассниками. И улыбнулась, широко, светло, как обычно.

Ее подружка, которая шла с ней под ручку, тоже помахала Мите.

Интересно, он ей нравится? Она так внимательно посмотрела на Митю. Какая забавная девочка, одевается чудно – кофта длинная, ниже юбки, на шее – замшевый ободок с блестящей бляшкой... Ноги не очень, но улыбка такая загадочная... Надо расспросить про нее Элю. Так смотрит на него, как будто увидела что-то необыкновенное. Да, все-таки нравится он женщинам. И это весьма приятно. Но не самое главное в жизни.

Митя кивнул Эле и обернулся к своим ребятам:

– Подождите меня, я на минутку к Марине!

– Минуткой вряд ли обойдется! – непонятно ухмыльнулся Деряев.

– Я за материалами для мамы... – спокойно начал объяснять Митя.

– Другим будешь эту дичь втирать! – хохотнул Артиухин.

– Но мы тебя ждем на улице, Мить, – сказала Тося, по-прежнему держась за Деряева.

Митя поймал недоуменный Элин взгляд и побыстрее отвернулся. Ну что она хочет! Он очень занят! У него физика, у него компания, естественно, друзья важнее, чем одна-единственная девушка, даже если она ему и нравится... Ему Тося тоже нравится. И она, кстати, идет сейчас себе с компанией и совсем не настаивает на том, чтобы быть вместе с Митеей. А Эля, кажется, обиделась. Не на что обижаться! Он ей ничего не обещал. Мало ли что покажется ночью, тем более когда лежишь под одеялом, с телефоном, видишь крохотную иконку с ее фотографией, она улыбается так светло, так хорошо, только ему, читаешь строчки ее милых сообщений, понятных только ему, она, конечно, не такая смелая, как Тося, и симпатию выражает не так откровенно, но понятно же, что он ей нравится, понятно же из ее нежных недоговоренностей, что больше всего ей бы хотелось сейчас быть с ним, провести пальчиками по его щеке, и не только по щеке...

Ну и что! Сейчас он занят. Митя физически чувствовал взгляд Эли, когда шел по коридору в кабинет Мариной Тимофеевны. Пусть смотрит. Ничего особенного. Ну не улыбнулся, ну отвернулся, ну не поздоровался! Что делать из этого событие! Он – занят. И точка. Пусть ползет за ним. Так батя сказал, а батя понимает про жизнь и про женщин ВСЁ. Митя обернулся-таки. Не поползла? Сама виновата.

Он увидел, как Дуда взял Элину сумку, взвалил на плечо вместе со своей и, подпрыгивая, пошел рядом с ней. Крайне неприятный мальчик. Просто сволочь. Какое он имеет право брать сумку его девушки?.. То есть... Митя – совершенно свободный человек, но Эля ведь ему вчера писала что-то такое... Конечно, это можно понять как угодно... И ее нежный взгляд... У нее от природы такой взгляд... Она на всех так смотрит, на весь мир... У нее глаза так устроены... Черт!

Митя резко развернулся, побежал за ними. Зачем он бежит? Он остановился у лестницы, увидел, как Эля со смехом сняла Дудину руку с талии, как, красный и расстроенный, за ними плелся-таки голубоглазый Костик, ковыряясь в своих разноцветных брекетах... Тут, как назло, Элина подружка Таня, только что смотревшая на Митю с явной симпатией, обернулась, показала ему язык и неприличный жест... А девочка с медными волосами, Соня, кажется, еще и махнула так небрежно ручкой, мол «иди-иди, парень!». Наверно, Эля всем дала прочесть его глупые сообщения...

Митя в два прыжка обогнал Элину компанию, толкнул Костику, нарочно посмотрел на Элю с ядовитой усмешкой, ничего не сказал и свободный, самостоятельный, высоко подняв голову, широко раскидывая ноги, как отец, спустился первым на этаж. Вот так! Пусть знает, что ему – все равно! Она именно такая, как говорил отец. «Пусть другие носят за ней мантию!» Ведь это батинны слова, а он не поверил! Батя все правильно говорит, и никуда он с ней не поедет! Или… Или поедет, но покажет ей там, за границей, что она ему совсем не нужна! Ему вообще никто не нужен! Его ждут звездная слава и лучшие концертные площадки Европы.

Обессиленный от противоречивых мыслей и эмоций, Митя пробежал по второму этажу, взбежал по другой лестнице и, взмыленный, ворвался в кабинет Марины.

– Ты что, зайчик? От кого бежал? – Марина сразу подошла к двери, плотно ее прикрыла. – Садись, радость моя. Вот тебе конфеты с коньячком, кофе будешь? Или чай? У меня разный чай есть… Дети все несут, несут…

– Лучше воды! Холодной! – проговорил, задыхаясь, Митя.

Что-то сейчас произошло не то, а что, он еще не понял. Кому рассказать? Некому. Может быть, Деряеву, он – лучший друг, с некоторых пор Мите стало так казаться. То, что он обнимает Тосю, – это ерунда, это по-братски, по-пациански, они же с Сеней иногда ходят в обнимку, как братья… Сене тоже можно рассказать, но он в женщинах ничего не понимает. Может, Марине рассказать? Конечно, она в него влюблена… Но она взрослая, замужем, все поймет…

– Что, шалун, набегался? – Марина поставила ему чашку и ненароком задела его грудью.

Он уже к этому привык. Это поначалу он замирал, краснел, а сейчас уже сам ждет этой теплой волны, которая разливается по всему телу, когда Марина, словно сама не замечая, окутывает его своей мягкой, белой, огромной, открытой до самой ложбинки грудью. Обычно видно родинки между двух больших грудей, плотно лежащих рядом, а сейчас было видно и ниже, Маринина блузка совсем опустилась. Митя бы раньше отстранился от неловкости, а сейчас, наоборот, взгляда не отвел и даже чуть сам прижался к ней плечом. Коленки при этом подрагивали, но… это от быстрого бега, наверно. Он – не растеряется. Он – самец.

– О… – негромко засмеялась Марина. – Мальчик мой… Тебе сколько сахару? Попробуй все-таки мой чай…

Митя посмотрел на кусочки сахара в круглой желтой сахарнице. Коричневые, белые кусочки, квадратные, неровные, прозрачные, шероховатые… Нет, нельзя. У него договор с отцом.

– Я – без сахара, – твердо сказал он.

– Что это вдруг?

Митя улыбнулся.

– Не хочу.

– Зубки у тебя у самого как сахарные, белые-белые… – проворковала Марина. – Так и хочется их попробовать… Ну-ка, покажи, этот зуб у тебя как-то вырос. – Она бросила быстрый взгляд на дверь, легко провела пальцем по Митиным губам, коснулась зуба, чуть неровно выпирающего из ряда верхних зубов. – Клычок… А губы какие у тебя… Нецелованные, да, Мить? И не целуйся! Девочки все очень плохие, им все равно с кем целоваться.

– Да? – искренне удивился Митя.

– Конечно, – пожала плечами Марина, садясь напротив него и медленно разворачивая конфету в красной блестящей фольге. – Ты не знал? – Она положила в рот большую шоколадную конфету и стала с удовольствием ее жевать. Губы ее испачкались шоколадом и помадной начинкой, Марина причмокивала и то и дело облизывала губы.

– Нет…

— Конечно, малолеткам все равно. Им же важен процесс, а не человек. Их кто поцелует, с тем они и будут целоваться. И остальное всё — тоже. Ну это, наверно, тебе не интересно, ты мальчик серьезный... — Марина лукаво взглянула на него.

— Интересно, Марина Тимофеевна. Это же жизнь. А мне интересно, как... вообще... в жизни... — Митя почувствовал, что запутался и, наверно, у него не получится сказать, что он хотел.

Но Марина поняла его. Вот что значит — взрослая женщина. И очень хорошая, добрая! Видно же, что она добрая. И умная. И точно не захочет с ним за ручку парой ходить. Ведь у нее есть муж.

— А интересно, Митечка, так приходи ко мне...

— Когда? — спросил Митя, чувствуя, что краснеет.

— А сегодня и приходи.

— Завтра — концерт, вы хотели с нами пойти... — совершенно нелогично ответил Митя, не понимая, соглашаться ему или отказываться.

— Знаешь, я, наверно, не пойду. У меня на завтра оказалась куча дел. А сегодня я совершенно свободна. Приходи, чаю попью, конфет у меня дома полно... Ну и вообще... — Марина потянулась, подняв вверх руки, и под тонкой трикотажной красной кофточкой так ясно, так выпукло обозначилась ее нереально белая и огромная грудь. Такая тяжелая, такая манящая...

Митя слегкнул слону, прокашлялся. Марина погладила его по спине.

— Ты устал. Очень устал.

— А... А что вы хотели моей маме передать?

— Маме? Ах, маме... Сейчас, да... Она же у тебя председатель родительского комитета? Тут на лето путевки в летний лагерь предлагают...

— Нет, не председатель... — растерялся Митя. — Кажется, нет... Она — нет...

— А ты хочешь поехать в лагерь?

— Я? Не знаю. Нет, наверно. А сколько стоит? У нас денег совсем сейчас нет. Ситуация такая.

— Да? — Марина остро взглянула на Митя. — У тебя... все здоровы в семье?

— Да, спасибо.

— А отец?

— И отец здоров.

— Хорошо. Как знаешь... Значит, я просто ошиблась, спутала. Ладно, если сможешь, зайди ко мне вечерком, я во-он в том доме живу... — Марина сама подошла к окну и позвала Митя. — Подойди, я тебе покажу.

Митя нерешительно подошел к ней. Как-то все не так. Здорово, но непонятно. Чего она хочет?

— Смотри... — Марина взяла его руку и его же рукой стала показывать ему. — Вот тот дом, зеленый, высокий, новый, видишь? А за ним двенадцатисторонний. Там я и живу, очень легко запомнить, третий подъезд, третий этаж, сто одиннадцатая квартира. Три-три — один-один-один. Запомнил? Придешь?

Марина смотрела на него сильно накрашенными глазами. Острые черные стрелки делали ее похожей на египетскую принцессу. Вместе с ярко-рыжими волосами, взбитыми в пену, это казалось немного угрожающе. Красные ногти с черными подтеками, усыки над верхней губой, морщинки, такие внятные морщинки в уголках рта, на висках... Странно, издали ничего этого не видно... Так сильно, так сладко, так душно пахнут ее духи... Митя отстранился, отступил назад.

— Придешь?

— Не знаю... Да, наверно... Не знаю... Постараюсь...

— Постарайся… — Марина провела рукой по его волосам. — Шелковые… Просто шелковые… Какие же у тебя волосы…

Митя отступил еще на шаг.

— Я… я пойду, хорошо, Марина Тимофеевна? Мне переписывать физику надо…

— Иди, — засмеялась Марина и уперлась кулаками в бока, стала похожа на себя обычную, так она стоит посреди класса во время урока. — Не придешь, значит.

— Я… не знаю…

— А я знаю, Бубенчик. Не придешь. Ну и ладно. А зря. В общем, если надумаешь, я тебя после семи жду. В любое время приходи. Не пожалеешь. Три-три-один-один-один. Запомнил?

Митя кивнул и побыстрее вышел из кабинета. Уф… Как же тяжело с женщинами… Вроде и тянет к ним, такое приятное, ни с чем не сравнимое волнение в теле, но как же с ними тяжело… Они все сразу хотят как-то на него влиять, хотят, чтобы он был только с ними, ревнуют… Марина вон вообще все про него поняла… Это и приятно, и не очень. Он ведь — сильный, он — загадочный, он — самец! Митя приосанился, глядя на свое отражение в стекле двери на лестнице.

Вот интересно, то, что Марина уговаривала его прийти в гости, означает ли, что прямо сегодня он бы смог… У него бы получилось, как у других ребят… И он перешел бы в мир взрослых… И тогда уже полуслучливое и многообещающее «самец» точно бы имело к нему отношение… А как бы все это было? Как… Марина знает как… И с ней было бы не стыдно оказаться неумехой… А, может, само бы все получилось, ребята рассказывают… А вот Марина потом поползла бы за ним? Ведь только тогда он настоящий мужик… Или нет, или он что-то не так понял в словах отца…

От волнительных и путаных мыслей Митя врезался в Елизавету, которая когда-то привела его на репетицию к Эле. Если бы не Елизавета, Митя бы с ней и не познакомился, и ничего бы не было.

— Бубенцов, что с тобой? Ты здоров? Вид такой… Ошеломленный…

— Да, да… — выдавил из себя Митя. — Елизавета Тимофеевна…

— Я вообще-то Константиновна, Митя.

— Ой, простите! Простите! — испугался Митя.

— Мить, да что с тобой? — Елизавета провела рукой по его лбу. — Горячий какой-то. Все, переучился. Отдыхать пора. Вы с Элькой, я слышала, едете на фестиваль в Латвию? — Учительница подмигнула ему.

— Мы? Я? Откуда вы знаете?

— А что такого? Что ты так переполошился? Мама твоя приходила, подписывала анкету для визы.

— А, мама… Да, еду, наверно, не знаю…

— Ох, Митька, смотри!.. — Елизавета шутливо погрозила ему пальцем. — Не родись красивым… Повезло тебе, кажется…

Митя извиняюще улыбнулся и побыстрее сбежал по лестнице вниз. Его там ждут друзья! Как же тяжело, как все непонятно. Тяжелее всего с женщинами. Это они все запутывают, усложняют, все время обижаются, друг к другу ревнуют… С ребятами гораздо проще. Если тебя друг называет «дебил», это не значит, что он тебя считает на самом деле дебилом. Просто… Просто у мужчин все иначе, правильнее, без лишних усложнений, загадочных взглядов, намеков…

Он вышел на улицу, оглянулся. Куда-то подевались его друзья… Митя обошел всю школу, но нигде не увидел своей компании. Не дождались его. Сам виноват, пошел к Марине. Друзья ушли.

Митя растерянно потоптался в школьном дворе и побрел домой. Потом решил не ходить домой, сначала пересдать физику, а потом уже показываться отцу на глаза. Так проще, и врат

ничего не нужно. Или набраться смелости, прийти домой, честно сказать: «Я получил тройку, но пойду ее пересдавать, я договорился, я смог убедить физика»? Митя сидел, колебался-колебался, потом решил – надо все-таки пойти домой. Он – мужик. Он – смелый. Таким его воспитывает отец. Поэтому бьет.

Митя решил сначала обойти свой дом, подышать… Не решаясь признаться себе, что домой идти боязно, что не хочется, нет сил преодолевать сейчас возмущение отца… Он услышал сигнал сообщения.

Ну. Ты. Даешь. :-(

Митя пожал плечами. Что она имеет в виду? Что он с ней не поздоровался? Даже отвечать ничего ей на это не будет. Не поздоровался и не поздоровался. Свободный человек. Никому ничем не обязан.

Он убрал телефон, прошел еще кружок вокруг своего дома. Ну вот, испортила настроение. И так он перебаламучен всеми событиями…

Физика, ирония Алексея Ефимовича, презрительная ирония, ведь Митя все понял, просто преодолевал ее, потом Тося, ее горячие ладошки, смелые прикосновения, никто и никогда так его еще не трогал…

А еще и Марина Тимофеевна, ее милая хитрость, как она заманила его – он и это понял, он же не дурачок, все она придумала про путевки, ее тяжелая зовущая грудь, настойчивый ванильный запах ее духов, так иногда пахнет в туалете – в театрах, музеях, когда искусственный запах забивает все, сильный, навязчивый, неожиданное приглашение домой, внезапная неприязнь, которую он ощущил, глядя на ее не такое уж и молодое лицо, на сильно накрашенный рот, на морщинки над верхней губой, в которых собралась красно-карминная помада, на тугие плотные усики…

И Елизавета, проницательная, спокойная, которая вдруг подмигнула, так заинтересовалась фестивалем… Едет он, не едет… С кем едет… С кем!.. С ней!.. К которой мысли постоянно возвращаются сами. Он, Митя, не думает. А мысли возвращаются. Как странно устроена его голова…

Митя увеличил фотографию, которая у Эли была на главной. Сегодня она почему-то так на него не подействовала, как обычно. Ну глаза, ну сияют, ну губы, нежные, ненакрашенные, ну овал лица… Овал как овал – почему раньше ему казалось, что она похожа на рафаэлевскую мадонну? Ни на кого она не похожа. Ни на «Мадонну», ни на «Весну» Боттичелли… Он ей, дурак, писал ночью… На Эльку она похожа, которая хочет ходить с ним за ручку! И считает, что он чем-то ей обязан.

Митя покривился и написал:

Не понял. Ч хотела?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.